
ГЛАВА 1. НОВЫЕ ВЕСТИ

Я пробыл без сознания три дня. Пришел в себя в больнице и, открыв глаза, осознал, что не могу ничего вспомнить. Как оказался тут? Как меня спасли? Лишь чувствовал, что все вокруг кружится, как в бешеной карусели.

Через пару дней мое состояние немного улучшилось. Однако обнаружилась проблема с голосом. Что бы я ни пытался сказать, из моего горла вырывались писклявые невнятные звуки. Поначалу я решил, что из-за травмы головы поврежден речевой центр, и здорово испугался, что так теперь будет всегда. Но врач успокоил, сказав, что это временные последствия сотрясения мозга, все постепенно вернется в норму, посоветовал не волноваться, чтобы процесс реабилитации шел быстрее. А пока я общался с людьми жестами, словно немой.

На четвертый день я решился поинтересоваться у доктора, где нахожусь. Оказалось, что это больница Красного Креста в районе Бэйлинь, в Сиане(1). Доставили меня в больницу военные, но врач не знал, кто и как меня нашел. По его словам, при поступлении у меня обнаружили множественные переломы, вероятно, полученные при падении с высоты.

Моя грудь и левая рука были полностью в гипсе, я даже представить не мог, насколько сильно пострадал, но, выслушав доктора, понял, что был на грани смерти. С неуверенностью я спросил, когда меня выпишут из больницы? На что доктор с улыбкой ответил: не меньше десяти дней мне положен строгий постельный режим и никаких выписок.

К вечеру четвертого дня, узнав, что я пришел в себя, меня навестили военные и принесли корзину фруктов. Их я тоже спросил о том, как меня спасли. Но точного ответа не получил. Их вызвали жители одной из деревень Ланьтянь, которые обнаружили меня на бамбуковом плоту, который прибило к берегу ручья. Именно они оказали первую помощь. Врач сказал, что благодаря этой помощи я остался жив.

Мне этот рассказ показался странным. Я точно помнил тот момент, когда упал: это было похоже на отмель или покрытый водой пляж. Даже если там почему-то оказался бамбуковый плот, как его с мелководья унесло в ручей? И Ланьтянь... оттуда до ущелья Дзяцзы около семи километров. Неужели я все это расстояние преодолел по руслу подземной реки?

Военным я соврал, что занимаюсь альпинизмом, пытался подняться на скалу, но сорвался. Скорее всего, мне поверили, потому что, сделав пометки в документах, они ушли, а я немедленно позвонил Ван Мэну и потребовал, чтобы он привез мне немного денег и одежду.

Мой помощник прибыл на следующий день, я оплатил больничный счет, а затем попросил прикупить мне мобильник и ноутбук.

Получив желаемое, я расспросил Ван Мэна о делах. В магазине все было как обычно. Много раз звонил отец, разыскивая меня. Уезжая в Сиань, я не собирался надолго задерживаться и семью не предупредил. Естественно, они волнуются, поэтому я поторопился позвонить и успокоить их. Отца дома не было, я перебросился парой слов с мамой, между делом спросил, как дела у третьего дяди. Но вестей от него не было.

Казалось, что все было так же, как прежде, и я вздохнул с облегчением.

Следующие несколько дней делать мне было особенно нечего, и в голову лезли навязчивые мысли о Лао Яне. Я попросил принести мне одежду, в которой меня нашли. Она была порвана, но найденный в пещере дневник друга все еще лежал в кармане. Все записи размыло водой, их уже не прочесть. Делать было совершенно нечего, и я подключился к больничному вай-фаю, чтобы скоротать время.

Первое, что мне пришло в голову — поискать информацию о бронзовом дереве. Но таковой нашлось немного. Я попытался опросить друзей и знакомых, но предоставить им мог лишь краткое словесное описание. Большинство даже не представляли себе, что это может быть, некоторые посчитали мое описание фантазией. Но несколько ответных писем оказались весьма полезны.

Одним из ответивших подробно был друг моего отца, давно уехавший в США. Он написал, что в некоторых источниках это бронзовое дерево называется "стволом", потому что имеет форму шэн или гуань(2). В 1984 году в одной из шахт рудника Паньчжихуа(3) было найдено нечто похожее, но размерами поменьше. Надземная часть находки была небольшой, а все, что оставалось под землей, полностью поржавело.

Нет никаких документальных источников о том, как древние использовали эти "стволы". Но, согласно устному творчеству малых народов, сохраненному в "Книге гор и морей", бронзовые деревья и впрямь связаны с охотой на "земного дракона".

"Свеча Девяти Инь" могла быть обычной змеей большого размера, обитавшей глубоко под землей в пещерах или руслах подземных рек. Поскольку света там нет, строение ее глаз могло сильно измениться, как у камбалы, к примеру. Древние народы использовали человеческую кровь, чтобы выманить змею и добыть ее кровь, которую использовали как горючее для светильников. Для современного человека жертвоприношения для такой охоты кажутся нелогичными, но на самом деле смысл есть. В те времена постоянный источник света был ценнее, чем золото, особенно для тех народов, что вели ночной образ жизни или жили в пещерах.

Его пояснения полностью подтверждали мои выводы, которые я сделал, рассматривая барельефы в пещере с подземной рекой. Но это не объясняло невероятной возможности бронзового дерева давать человеку устрашающую способность к материализации. Я спросил, известно ли ему что-то подобное из документальных источников или легенд?

В ответ он прислал мне фрагмент рукописного романа, где было описано интересное событие, датированное периодом правления императора Цяньлуна династии Цин(4). В одной из шахт сианьских рудников была найдена шкатулка из бело-голубого нефрита(5) с вырезанным изображением дракона. Император созвал на тайную встречу самых верных министров, совещались они до полуночи. Открывали ли они шкатулку, нашли там что-нибудь — не известно. Но позже во дворце случился пожар, а затем погибли все участники того совета, кроме одного. И раскрыть причины их смерти так и не удалось.

Я напряг свою память: вроде бы примерно в ту же эпоху предки Ли Пипы нашли "Сборник лесов и рек". Может быть, тут есть какая-то связь. Одно было совершенно ясно: люди, узнавшие, что лежит в голубой шкатулке с драконом, владели тайной, которую император предпочитал скрыть от всего мира. Возможно он, или тот, кто выжил, позаботился о том, чтобы все причастные были мертвы. Что же было в этой шкатулке? Может быть, нечто связанное с древним бронзовым деревом?

Я снова спросил друга моего отца, что он об этом всем думает. Но он ответил коротко: чтобы делать выводы, надо раскопать само бронзовое дерево. Мне оставалось лишь горько улыбнуться. Такие раскопки казались мне невозможными: кто знает, на какую глубину уходит в землю бронзовый ствол. Возможно, потребуются столетия, чтобы докопаться до самого конца. У меня нет столько времени в запасе.

Кое-какую ценную информацию подкинул мне мой второй дядя. Он рассказал, что малые народы в то время обычно перенимали обычаи и технологии западной Чжоу. Но межнациональные связи были тогда развиты слабо, транспортное сообщение практически отсутствовало, поэтому вполне возможно, что такая преемственность отставала во времени, и черты западной Чжоу могли проявляться у жителей Центральных равнин даже в поздний период Цинь.

В то время почти вся страна следовала указаниям и приказам императора Цинь Шихуана: поиск эликсира бессмертия, возведение знаменитой сейчас гробницы. Возможно, охота на "Свечу Девяти Инь" была способом добыть драгоценный драконий жир, который не только ценился, как горючее, но и был составляющим компонентом алхимиков. Кроме этого, под мавзолеем Цинь Шихуана и в его окрестностях геологи находили массивные металлические предметы. Однако, технологии того времени не позволяли отлить что-то подобное. Поэтому выдвигались гипотезы, что подобные изделия были привезены из других стран с более развитыми технологиями или же созданы мастерами-иностранцами.

Но мой второй дядя всегда с особым трепетом относился ко всему, что связано с Цинь Шихуаном, и все события того времени мог связывать с ним, поэтому я не стал безоговорочно доверять его выводам.

Через месяц меня выписали из больницы. Вернувшись домой, я занялся наведением порядка, надо было возвращаться к нормальной жизни. Разбирая забытый корреспонденцией почтовый ящик, я нашел много журналов и газет, среди которых оказалось письмо без подписи.

"Старина У, угадай, кто я? Да, я не умер, точнее, я снова жив.

Мне очень не хотелось втягивать тебя в это дело. Но, в конце концов, ты единственный человек, кому я могу доверять, у меня не было другого выбора. Теперь, когда все закончилось, мы больше никогда не увидимся. Я был бы рад считать тебя своим другом, но сейчас это уже не важно.

Ты действительно хотел бы узнать, что произошло три года назад?

Тогда я с командой ребят из Ляодуна(6) отправился в Циньлин, планируя пограбить гробницы. Изучив местные легенды, мы нашли проход в пещеру в баньяновом лесу на вершине горы. Мы собирались спуститься туда без проблем. Но, как ты уже знаешь, не получилось, и я застрял в той пещере.

Я был в отчаянии, быстрая смерть не так пугает, как перспектива медленно умирать в замкнутом пространстве. Но еще страшнее было представить, что такое существование никогда не кончится. Ты лишь немного прочувствовал этот ужас. Я же пробыл в темноте целых четыре месяца.

Это время казалось мне адом. Но я обнаружил свою новую способность, и у меня было время все обдумать и изучить. Постепенно я понял, что материализация связана с работой подсознания. Например, чтобы открыть несуществующую дверь в каменной стене, я должен убедить себя, что эта дверь там есть. Иначе можно голову себе разбить, но камень останется камнем.

К сожалению, человек не может обмануть свое подсознание, получится лишь направить его в нужное русло. Это было очень сложно. Я говорил тебе: малейшая ошибка в направлении мысли или воображаемого образа — и случается непоправимая ошибка, материализуется твой самый страшный кошмар.

Но я продолжал работать над собой и даже освоил некоторые нехитрые трюки, позволяющие управлять собственным подсознанием. К тому времени я обнаружил, что эта способность остается с человеком не навсегда. Постепенно она исчезает, как способность концентрировать внимание снижается от усталости. Я понял, что действовать надо быстро, иначе мои способности пропадут, а я так и останусь в пещере и умру с голоду.

Не придумав ничего лучше, я попытался создать свою копию за пределами пещеры. Даже не ожидал, что мой эксперимент будет успешным, но результат меня шокировал. Внезапно я понял, что оказался снаружи. Я в тот момент я не осознавал себя копией, я был самим собой: мои воспоминания, привычки, ощущения никак не изменились. Поэтому, когда настоящий Лао Ян обратился ко мне, я ему не поверил. Слово за слово, мы стали ругаться. Он считал, что я собираюсь заменить его, требовал, чтобы я исчез. Он был так зол, что напугал меня своим желанием уничтожить. Я считал его монстром, своей копией. Не задумываясь, кто же он такой на самом деле, действуя на эмоциях, я нашел взрывчатку и подорвал пещеру.

Если быть честным, в глубине души я понимал, что являюсь копией, но не желал в это верить. А еще я был хорошей копией, имеющей тот же инстинкт самосохранения, что и оригинал. Потому и выбрал такой путь, убил настоящего себя, а затем долго доказывал своей совести, что в пещере была копия.

Воздействие бронзового дерева слабеет на расстоянии, поэтому я захватил с собой отломанную ветку, надеясь использовать способность к материализации еще немного. Оказалось, что это возможно. Выбравшись из пещер, я нашел зарытый нашей командой хабар, который мы собрали раньше. Опасаясь, что бронзовая ветка привлечет лишнее внимание, я закопал ее там же. А затем вернулся в Сиань, чтобы найти, где продать антиквариат.

К сожалению, я был невнимателен и проглядел военного в штатском, крутившегося возле лавки антиквара. Остальное ты знаешь. Когда я вернулся домой, мама была мертва, об этом я не солгал тебе.

Есть еще кое-что, о чем я должен тебе рассказать. Способность к материализации имеет побочный эффект, влияющий на память. Сейчас я очень плохо запоминаю все, что со мной происходит. Приходится все записывать, чтобы потом вспомнить. Если бы не это, я бы смог воспользоваться твоей помощью, и ты бы даже не догадался ни о чем. Но за последние три года я многое подзабыл и постоянно допускал ошибки в общении с тобой. Я даже не помню точно, как выбрался в этот раз. Думаю, через два-три года я совсем потеряю возможность запоминать что-то и полностью забуду прошлое.

У тебя тоже есть эта способность, но я не знаю, как она повлияет на тебя. Береги себя. По моим расчетам, твоя способность проявляется очень слабо и не должна причинить тебе вреда.

Лао Ян."

Я прочитал все письмо до конца и глубоко вздохнул, не зная, что и думать. В конверте была фотография, где он вместе со своей мамой сняты на фоне моря. Вероятно, это где-то за границей. Его мать выглядит очень молодой, они даже больше напоминают пару. Приглядевшись, я вздрогнул: показалось, что сквозь черты лица тети Лян просвечивает что-то злое, уродливое. Возможно, это предубеждение после того, что я узнал в пещере бронзового дерева.

Не успел я прийти в себя, как наступила зима, и я дни напролет проводил в комнате с кондиционером. Лень на меня напала страшная, ни на что не было сил, только дремать дни напролет. Несмотря на то, что я не выходил из внутренних комнат своего магазина, ноги мои мерзли, и я не знал, как согреться. Однажды сквозь дремоту я услышал голос Ван Мэна: "Босс, тебя тут ищут."

Просыпаться не хотелось, я зевнул, удивляясь, что зимой, когда антикварный бизнес замирает, нашелся какой-то клиент. С другой стороны, это же бизнес, надо вставать. Похлопав себя по щекам, чтобы окончательно проснуться, я встал и вышел навстречу посетителю.

Кондиционер у входа был слабоват, поэтому, когда снаружи поднимался ветер, внутри холод пробирал до костей. Посетителем оказалась помощница дяди Хая(7) из Цзинаня, она тоже дрожала от холода. Я решил, что продана нефритовая мозаика, и девушка принесла мне чек. От этой мысли на душе у меня потеплело. Попросив Ван Мэна заварить чай, я спросил ее: "Девушка, зачем дядя Хай прислал тебя?"

Ее звали Цинь Хайтин, она родственница дяди Хая. Ей всего семнадцать лет, но она уже имеет неплохой опыт в антикварном деле. Кивнув мне, она вместо ответа воскликнула: "Ой, мамочки, почему в Ханчжоу холоднее, чем у нас на севере?"

Ван Мэн с улыбкой объяснил: "У нас на юге воздух сухой, но ветрено, потому и кажется холоднее. Да и Цзинань не совсем север."

Видя, как Цинь Хайтин стучит зубами, я поспешил ее отвести во внутреннюю комнату, где воздух прогревался кондиционером получше, протянул ей грелку, наполненную горячей водой и спросил с улыбкой: "Ты так боишься холода? Теплолюбивая очень?"

Сделав несколько глотков горячего чая, она перестала, наконец, дрожать: "Спасибо, теперь немного лучше. Люди говорят, Ханчжоу красивый город. Но дядя Хай не позволял мне ездить сюда. А тут вдруг ему помощь понадобилась, вот я и поехала. Кто ж знал, что тут так холодно?"

В следующий раз ни за что не поеду!"

"Так что просил тебя сделать дядя Хай? — спросил я. — Неужели нельзя было решить эти вопросы по телефону?"

Цинь Хайтин сняла шарф, достала из сумочки небольшой пакет и ответила: "Конечно нельзя, это же бизнес. Вот, чек. Это деньги за продажу "рыбьего глаза".

Посмотрев на сумму, я довольно улыбнулся и положил чек в карман: "Спасибо, передай дяде мою благодарность."

Но она протянула мне еще одну бумагу, приглашение: "Мой дядя Хай послезавтра тоже будет в Ханчжоу, чтобы принять участие в аукционе в качестве эксперта-оценщика. И вас туда приглашает, чтобы переговорить с вами. У него есть для вас что-то важное."

"Послезавтра? — задумался я. — Не знаю, есть ли у меня время. Почему нельзя обсудить это по телефону? Тайна какая-то?" Если быть честным, я никуда идти не хотел. Аукционы слишком скучны: торчать там нужно полдня из вежливости, а определить подлинность антиквариата опытный оценщик может за несколько секунд. Вот дядя Хай и ищет компанию того, кто поможет скоротать ему оставшееся время.

Но Цинь Хайтин наклонилась ко мне и шепнула на ухо: "Дядя Хай сказал, что это как-то связано с бронзовой рыбкой. Еще он сказал, что вы не пожалеете."

Примечания переводчика

(1) Больница Красного Креста в районе Бэйлинь, в Сиане. Сейчас это Бэйлиньская больница традиционной китайской медицины (Beilin Hospital of Traditional Chinese Medicine of Shaanxi)

(2) "Бронзовое дерево называется "стволом", потому что имеет форму шэн или гуань". В оригинале не напечатано название, с которым сравнивается бронзовое дерево, лишь озвучено, что это древний музыкальный инструмент (笛子). Вероятно, речь идет о шэн или гуань. Они оба имеют "стволы"(杆), у шэн их несколько, у гуань — один, а описанное устройство дерева говорит о том, что речь идет о духовых инструментах. Внешне на дерево больше походит гуань. Однако, первые гуани появились в эпоху Тан, бронзовое дерево по версии автора было создано раньше, потому, скорее всего это шэн, о котором известно как раз с ранней Чжоу.

(3) Паньчжихуа , 盘县 — городской округ в провинции Сычуань КНР. Был основан в 1965 году в

месте слияния рек Цзиньшацзян и Ялунцзян, зелёные крутые берега которых и дали современное название «Паньчжихуа» («цветок, зацепившийся за кручу»). Центр сталелитейной промышленности Юго-западного Китая.

(4) "Император Цяньлун династии Цин". Айсиньгьоро Хунли (溥儀 溥儀) правил с 25 сентября 1711 по 7 февраля 1799. Шестой маньчжурский правитель империи Цин, девиз его правления «Цяньлун» (乾隆, буквально: «непоколебимое и славное»).

(5) Голубой нефрит — один из самых редких камней в минералогии. Зачастую о нём мало вспоминают, поскольку самоцвет можно встретить только лишь в музеях или личных коллекциях. Оценивается голубой нефрит по баснословной цене, которая любителям драгоценностей просто недоступна. Этот поделочный ювелирный самоцвет относится к полудрагоценным камням первой категории, основной цвет голубой с вкраплениями амфибола, который образует на поверхности камня тонкий рисунок, чаще серого (темно-серого) цвета, реже — белого.

(6) Ляодун, 辽东 — провинция КНР, существовавшая в 1949—1954 годах. Название провинции означало «к востоку (дун) от реки Ляо». Провинция Ляодун была образована 21 апреля 1949 года из частей расформированных провинций Аньдун, Ляобэй и Ляонин, столицей новосозданной провинции стал город Аньдун.

(7) Дядя Хай из Цзиннаня. Впервые появляется в "Подводной гробнице" глава 6. Там этого антиквара звали Лао Хай (老海, старик/старина Хай). Здесь же используется иероглиф 海 (Хайшу, дядя Хай, тоже уважительное обращение, но к менее старым мужчинам).

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ПУШКА 2007 ГОДА

Мы с дядей Хаем не настолько близки, чтобы просто встретиться и поболтать о том, о сем. Наши отношения строго деловые, не более того. Хотя, когда мы познакомились, я показал себя с хорошей стороны, возможно, он захотел узнать меня получше. В общем, я не знал, как мне поступить в этой ситуации. Но показывать его помощнице свою неуверенность не стоило, поэтому я с равнодушным видом согласился и спросил: "Что же он мне хочет рассказать? Он нашел что-то новое?"

Цинь Хайтин странно улыбнулась: "Дядя Хай просто просил меня передать приглашение. Но я не знаю, о чем конкретно он хочет поговорить, поэтому не задавайте мне вопросов."

Я выругался про себя. Дядя Хай — старый и опытный торговец, возможно, тут есть какой-то подвох.

Спустя три дня прибыл старик Хай. Я встретил его на вокзале и отвез в отель, где он забронировал себе номер. По дороге в машине я спросил меня, что за новости такие интересные он мне привез. Если все это шутки ради, я ему точно такого не прощу.

Старый Хай, дрожа от холода, ответил: "Сильный дракон не раздавит змею на земле(1), вы здесь на своей территории, как я могу вас дурачить. Но давайте пока оставим серьезный разговор, я замерз до смерти."

Я привел его в гостиницу. Оставив вещи в номере, мы спустились в ресторан. После нескольких чашек подогретого вина, он, наконец, почувствовал себя лучше и спокойнее.

Заметив, что он уже начал пьянеть, я поспешил начать интересующий меня разговор: "Вы уже наелись и выпили достаточно. Не пора ли поговорить о деле. Что вы такого нашли?"

Он моргнул, улыбнулся, достал бумажный пакет и протянул мне: "Посмотрите на это."

Я заглянул в пакет: там лежала старая пожелтевшая газета, выпущенная в 1974 году. Маркером была обведена статья, иллюстрированная одной черно-белой фотографией. Снимок был не четкий, но я рассмотрел то, что могло меня заинтересовать: среди немногочисленных культурных реликвий, вроде старинных буддийских четок, лежала бронзовая рыбка со змеиными бровями. Но ее вид отличался от тех, что были у меня и у третьего дяди. Я вспомнил, что в подводной гробнице видел изображение сразу трех рыб, одна из которых отличалась от двух остальных. Получается, что теперь я воочию увидел все три варианта.

"Как вы нашли эту газету? — спросил я старика. — С этим связана какая-то тайна?"

"В последнее время я помогаю одному крупному клиенту, который коллекционирует старые газеты, — неспешно начал рассказывать старый Хай. — Что только не коллекционируют богатые люди, знаете ли. Он просил меня найти подшивку "Вечерних культурных новостей Гуанси"(2) за 1974 год. Я собрал все, на это у меня ушло два месяца. Через несколько дней я должен отправить ему выполненный заказ, и на днях решил пересмотреть, вдруг чего-то недостает. Так я и заметил эту статью в выпуске за 4 июля. Не правда ли, удачное совпадение? Эта газета выходила всего лишь один год, в 1975 году ее выпуск прекратили, а существующие экземпляры очень сложно найти. И, если бы я не решил пересмотреть собранную подшивку, то так и не заметил бы интересующую вас статью. Вам повезло, что у меня острый глаз."

Я еще раз посмотрел на фото и пробежал глазами текст. Статья была небольшой, всего на 300 слов. В ней говорилось, что эта рыбка была найдена в руинах буддийского храма в Гуанси. Здание настолько обветшало, что стены не выдержали и обрушились, а под ними обнаружился вход в подземную усыпальницу. Там были найдены старинные тексты священных писаний,

сильно поврежденные, и несколько ларцов для хранения реликвий, в одном из которых лежала бронзовая рыбка. Специалисты предположили, что она принадлежала одному из монахов, живших во времена Северной Сун.

Династия Северная Сун? Я закурил сигарету, откинулся на спинку стула и задумался. Первая бронзовая рыбка была найдена в гробнице, построенной в конце периода Сражающихся царств; вторую рыбку нашли в подводной гробнице, построенной на границе между династиями Юань и Мин. Третья рыбка обнаружена в храме времен династии Северной Сун. Эта рыбка словно во времени путешествует(3).

Я пролистал газеты: только эта статья касалась бронзовой рыбки, больше никакой полезной для себя информации я не нашел. Получается, я до сих пор практически ничего об этой рыбке не знаю. Печально.

Старый Хай, глядя на мое озабоченное выражение лица, сказал: "Не расстраивайтесь, я еще не закончил. Надеюсь, история, которую я вам расскажу, вас заинтересует даже больше самой статьи."

Я нахмурился: "Есть еще что-то? Я пропустил еще одну статью?"

Старый Хай покачал головой: "Если бы я хотел вам только газеты показать, мне не нужно было ехать в Ханчжоу, не так ли? Но есть вещи, которые стоит обсудить при личной встрече. Я знаю, что вы из семьи даому. Значит, можете знать человека по имени Чэнь Пи четвертый?"(4)

Я был удивлен. Господин Чэнь Пи четвертый был известным наставником в Чанша, одним из старых даому, из того же поколения, что и мой дед. Я слышал, что сейчас ему почти девяносто лет. В десятилетие хаоса(5) он потерял зрение, с тех пор о нем не было известий. Я даже не знаю, жив ли он сейчас. Но его имя дед упоминал довольно часто.

Чэнь Пи сильно отличался от моего деда и других наставников Чанша. Он словно воспринимал жизнь, как войну. Не просто грабил гробницы, но еще убивал и поджигал. За деньги он был способен на все. До освобождения люди звали его Четвертым Бладобреем(6), потому что отрезать голову человеку он мог так же легко, как и побрить ее.

Меня удивило, что старый Хай вспомнил о нем, ведь мы никогда не пересекались, а в делах семей Чанша Чэнь Пи давно не принимал никакого участия. Хотя, может быть, бронзовая рубка имеет какое-то отношение к нему? Даже если со мной это никак не связано, эту историю стоит послушать.

Старый Хай, заметив, что я не отвечаю, решил, что это имя мне не знакомо, и пояснил: "Вы не знаете Чэнь Пи четвертого. Это естественно, другое поколение. Но должен вам сказать, что ту бронзовую рубку, о которой говорится в газете, нашел именно он. И все было совсем не так гладко, как это описано в газете. Нам доводилось встречаться с ним, и он вкратце рассказывал мне о событиях того года."

В 1974 году четвертому господину Чэнь Пи было около шестидесяти лет. И со зрением тогда у него все было в порядке. В то время беспорядки царили повсюду, а Чэнь Пи был командиром взвода армии Гоминьдана, но недолго. За несколько лет до освобождения он ушел из армии и занялся привычным незаконным бизнесом. Если бы его поймали, то наверняка казнили. Но Чэнь Пи был осторожен и действовал только в районах, где проживали малые народности, в том числе, в Гуанси. Но даже там старался избегать крупных городов, обходя административный центр округа стороной.

В первые годы культурной революции многие древние реликвии в Гуанси были уничтожены за исключением четырех гробниц, самых старых. Чэнь Пи побывал практически во всех: в Гуанси их было не так много, как на Центральных равнинах. А затем старый бандит вынужден был вести законопослушный образ жизни, грабить-то больше нечего. Но к несчастью, в том году, посетив Цзяцяолин(7), он пообщался с местными мяо. Напившись, они рассказали об обрушении храма на Кошачьем холме. Говорили, что это даже было похоже на землетрясение, храм просто ушел под землю, оставив после себя большую яму. И в ту же ночь из этой ямы многие слышали странные крики.

Чэнь Пи сначала не поверил. Он много раз бывал на Кошачьем холме. Храмы там были старые, но построены на совесть. Как один из них мог просто рухнуть без видимых причин? Расспросив местных поподробнее, он узнал, что на самом деле разрушенный храм находился не на Кошачьем холме, а в другом месте, в центре горы, которую называли Лежащим Буддой. Это было странное место. Сама гора невысокая, но занимает большую площадь, со всех сторон окружена деревнями, вершина ее плоская, а в самом центре — котловина площадью около десяти квадратных километров. Растительность там очень густая, многие деревни ютятся на пологих склонах, но встречаются и крутые обрывы. На одном из таких обрывов, склонившихся над котловиной, есть деревушка, откуда можно добраться до внутренней долины, но только по веревкам, потому что высота скалы около ста метров.

Спустившись в котловину, словно попадаешь в другой мир. Местные говорят, что там отличная охота, много растений, которые высоко ценятся на рынке. Но растительность там настолько густая, что ходить очень трудно. Люди мяо в прошлом часто спускались туда, но многие пропадали. Сейчас никто туда ходить не рискует.

Тот древний храм, который обвалился, был построен почти в центре котловины. Люди, смотревшие вниз со скалы, видели лишь тонкий сёрин(8), возвышавшийся над кронами деревьев, сам же храм был скрыт в густой зелени. Мяо знали, что храм построен давно, более десяти поколений назад, но никто туда не ходил. И вот в ту самую ночь раздался грохот, а

когда люди подошли к краю скалы, сёрина над пологом леса уже не было видно.

Об этом загадочном храме ходило множество легенд. По словам местных стариков, его в древние времена построил один из старших членов сангхи(9) для защиты этой местности от демонов. И разрушение храма местные жители восприняли, как плохой знак, а странные крики посчитали голосами вырывающихся из ада демонов.

Выслушав рассказ, Чэнь Пи посчитал все это интересным, но кое-что его беспокоило. Само расположение храма не соответствовало традициям, да и крики не вписывались в общую картину. Он относился к той категории людей, которые обладали хорошо развитой интуицией и могли вычленить нужную информацию из сумбурных рассказов и древних легенд. Среди расхитителей нынешнего поколения таких уже не осталось.

Поразмышляв над историей храма, Чэнь Пи решил все проверить сам.

В Гуанси множество гор, настоящая горная страна. Кошачий холм, хоть и невысок, но занимает самую большую площадь, охватывая территории трех уездов — Синъянь, Цзыюань и Луншен. Там берут истоки реки Лицзян, Цзыцзян и Сюньцзян, впадающих потом в Янцзы и Чжуцзян. В этом районе много глухих лесных участков, непроходимых джунглей. И именно здесь расположена та самая гора, которую первой преодолели солдаты Красной армии во время Великого похода(10). Во время Второй мировой войны в этом районе загадочным образом исчезли несколько бомбардировщиков "Летающих тигров", оказывавших военную поддержку Китаю(11). Это место издавна было окружено тайнами и легендами.

По извилистой дороге четвертый господин Чэнь Пи добрался до деревни на горе Лежащего Будды. Стоя на скале, он смотрел на кроны деревьев, сверху напоминавшие бескрайнее зеленое море. Разрушения от обрушения храма оказались куда более масштабные, чем он предполагал: в зеленом пологе леса образовалась большая брешь. Но с вершины Лежащего Будды увидеть, что там, было невозможно. Однако Чэнь Пи догадывался, что причина в оседании почвы, которую не смогла удержать корневая система деревьев. Очевидно, что под храмом были какие-то пустоты, и довольно большие, суда по размеру разрушений.

Услышав это, я догадался, что речь идет о Зеркальном дворце. Так на диалекте Чанша называли древние строения, под которыми есть подземная часть, равная по размеру надземной. Обычно обе части симметричны, от того и называется такая архитектура "зеркальной", словно надземная постройка отражается под землей. Северяне же называют такой стиль "челноком инь-ян": здание-челнок вставлено вертикально в землю, надземная часть символизирует энергию ян и обращена к солнцу, подземная — инь обращена в подземный мир, и они уравнивают друг друга. Однако, такие древние постройки редко встречаются: либо надземные части разрушены, и теперь оставшиеся подземные части не найти, либо пустоты под землей приводили к обрушению надземных частей. Поэтому во

времена культурной революции и подобных вещах никто не слышал.

Чэнь Пи опытный даому и мог распознать зеркальный дворец, всего лишь взглянув на изменения лесного покрова со стороны. Я бы так не сумел, и, вздохнув, продолжил слушать рассказ дяди Хая.

Поняв, с чем имеет дело, Чэнь Пи уже не мог остановиться, его сердце переполняла алчность. В подземной части зеркального дворца могли быть лишь три вещи: реликвии, золотое тело монаха(12) или древние буддийские тексты. Что бы там ни было, все эти вещи бесценны.

Вот только он был не местный. Если попадетсЯ властям, его подведет собственное криминальное прошлое. Столкнется с местными — тоже проблемы будут. Мяо, обитающие в этом районе, и ханьцы на тот момент находились в состоянии тихого перманентного конфликта(13). Если шататься тут без видимой причины, легко вызвать ненужные подозрения.

Поразмыслив, Чэнь Пи придумал себе легенду. Сначала в ближайшей деревне нашел проводника из местных и нанял его за хорошие деньги. Сам представился старым ученым, который пришел сюда с учеником. И якобы этот ученик умудрился упасть со скалы. Люди Мяо просты, легковверны и совсем мало знают об окружающем их современном мире, обмануть их проще простого. Узнав, что кто-то сорвался со скалы, ни один из жителей деревни не отказался помочь. Так Чэнь Пи с несколькими молодыми людьми из деревни оказался внизу, спустившись в подвесной корзине с обрыва.

Он рассказывал старому Хаю о своих впечатлениях от этого стометрового спуска. Ощущения были ужасны. Скала крутая, под весом человека ротанговый канат растягивался и пружинил, в корзине помещались только ягодицы, а ноги болтались в воздухе. Когда дул даже несильный ветерок, спускающегося человека закручивало волчком, и казалось, что канат вот-вот оборвется. Миновав кроны деревьев, Чэнь Пи ступил на твердую землю, и чувствовал себя так, словно потерял половину своей жизни.

Сквозь полог леса солнечный свет почти не проникал, там было темно, а в воздухе витал запах болотных газов. Деревья росли очень густо, стволы почти полностью покрыты зеленым мхом, а грязь под ногами была такой мягкой и вязкой, что с трудом получалось сделать даже пару шагов.

Спустившись, Чэнь Пи притворился обессиленным (хотя на самом деле он был весь на нервах после спуска) и присел, пытаясь отдышаться. Понимая, что их спутник не молод, проводник предложил, чтобы тот не торопился и отдохнул, сказав, что молодые люди сами могут поискать упавшего. Они зажгли факелы и отправились на поиски в указанную сторону.

Как только они пропали из виду, Чэнь Пи немедленно достал компас и прикинул расстояние до храма. По его расчетам на такой большой территории спасателям из деревни понадобится как минимум целая ночь, чтобы обыскать все. Времени, чтобы найти зеркальный дворец и вернуться обратно, должно хватить. Правда, нужного снаряжения у него не было, и сможет ли он спуститься в подземную часть храма, зависит только от удачи.

До руин храма он добрался за четыре часа, путь туда был трудный, приходилось полагаться только на компас и собственный опыт. С определением местоположения храма Чэнь Пи не ошибся, обнаружив посреди леса следы человеческой деятельности. По мере продвижения он все чаще встречал обнажившиеся фундаменты зданий и разрушенные стены, обвитые густой растительностью. Очевидно, вокруг храма была деревня или же храмовые постройки занимали большую площадь. Но сразу обнаружить сам храм он не мог.

Чэнь Пи был уже не молод, после такого длительного и трудного перехода по лесу задыхался, потому решил присесть и передохнуть. Вдруг краем глаза он заметил, что рядом с ним, чуть позади есть что-то, словно запутавшееся в густой траве.

Он был удивлен, но машинально вынул стальной шарик⁽¹⁴⁾ и осторожно оглянулся. Сзади возле разрушенной стены лежало высохшее тело мужчины мяо, опутанное виноградными лозами и заросшее травой. Этот мужчина был мертвее мертвого, но его живот равномерно поднимался и опускался, словно внутри шевелилось что-то живое.

Примечания переводчика

О названии главы. 炮 (пао)— это название одной из фигур китайских шахмат сянци. Не могу сказать, при чем тут шахматы. Но предполагаю, что это связано с особенностью начала партии сянци. Пушка, как и любая другая фигура, может начинать партию. Но это начало должно быть продумано. Например, пушка-пао может сразу побить коня противника, однако ту же будет побита ладьей. Есть варианты начала партии пушкой-пао без жертв с последующим составлением длительной стратегии. Вероятно, первый ход пушкой — известная или популярная стратегия в сянци (примерно так же, как в русском языке образное выражение "ход конем")

(1) "Сильный дракон не раздавит змею на земле" 龍虎相安 китайская идиома, обозначающая "пришедший извне, пусть и очень сильный, не сможет совладать с местными в их доме"

(2) Гуанси-Чжуанский автономный район (广西壮族自治区) — автономный район на юге Китая. Административный центр и крупнейший город — Наньнин. К сожалению, не нашла информацию об упомянутой газете.

(3) "Эта рыбка словно во времени путешествует". Первый, ранний период истории династии Сун, с 960 по 1127 годы. Период Сражающихся царств 476/403 – 221 г.г. до н.э. , Северная Сун это 960-1127г.г., а конец династии Юань и начало Мин — середина 14 века.

(4) Чэнь Пи четвертый, 陳四 . Полное имя этого героя означает, что зовут его Чэнь Пи, и он четвертый сын в семье. В некоторых переводах числительное в имени не переводят, и имя звучит, как Чэнь Пи Асы. В сериалах его часто называют так же четвертым господином. В этом переводе останется только Чэнь Пи, просто потому, что "четвертый" по-русски намозолит глаза в тексте, а Асы звучит некрасиво.

(5) Десятилетие хаоса или десятилетие анархии — синонимы китайской культурной революции 1966-1976г.г.

(6) Четвертый брадобрей, 四毛 — дословно "бреющий головы".

(7) Цзяцяолин , гора в Гуанси, вместе с тремя другими высокими (Дуяншань, Даминшань, Даяошань) и более низкими входящая в горный кряж, образующий дугу.

(8) Сёрин — верхняя часть храма, пагоды, похожая на шпиль, состоит из трех частей: девять звонков(позвонков), украшение в форме цветка и навершие, в котором хранятся останки Будды. На рисунке изображена пагода в традиционном японском стиле, название "сёрин" тоже японское. В Китае традиции в строительстве пагод и храмов не соблюдались так строго, как в других странах Азии, большее внимание уделялось украшениям и цветам.

(9) "Один из старших членов сангхи". В буддизме нет санов и чинов, как в христианстве или исламе. Однако, в общине (сангхи) выделяются наиболее уважаемые члены, совершавшие большое количество васс (буддийский Великий пост, трехмесячное ежегодное уединение).

(10) "Великий поход солдат Красной Армии". Имеется в виду китайская коммунистическая Красная армия. А Великий поход — это легендарная военная операция китайских коммунистов в 1934-1935г.г., потребовавшая переход из южного Китая через труднодоступные горные районы в провинцию Шаньси (недалеко от Пекина).

(11) Летающие Тигры (Flying Tigers) — обиходное название добровольческого военно-воздушного подразделения American Volunteer Group (AVG), воевавшего на стороне Китая в 1941-1942 годах против Японии

(12) "Золотое тело монаха". В китайском буддизме особо отличившимся монахам оказывается честь. После того, как тело мумифицируется (что само по себе является признаком святости), его превращают в статую, покрывая слоем золота.

(13) Хань — основная часть населения Китая. Мяо — малый народ, частенько отстаивающий свои права.

(14) Стальной шарик. Вид оружия, обращению с которым Чэнь Пи научил его наставник. Эта история входит в сюжет "Таинственной девятки".

ГЛАВА 3. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

Мертвецы для Чэнь Пи были делом привычным. Он столько людей убил собственноручно, что давно потерял им счет, его не пугали даже ожившие цзунцзы, охраняющие гробницы. Увидев высохший труп, он мог разве что вздрогнуть от неожиданности, но не более. Живые люди гораздо опаснее. Поняв, что это мертвец, он сразу успокоился. Этот несчастный только и может, что пугать чрезмерно впечатлительных людей. Но стальной шарик четвертый господин из рук не выпустил. В его ловких пальцах такая мелочь превращалась в отличное оружие, он мог сделать больше сотни "выстрелов" так, что сторонний наблюдатель даже не заметит движений его рук. Это умение оттачивалось длительными тренировками с самого детства.

Он внимательно осмотрел тело. По одежде сложно было понять, когда умер этот человек: может быть десять лет назад, а, возможно, всего два или три года прошло с момента его смерти. На трупе были истлевшие лохмотья, но сохранились особенности национальной одежды народа мяо. Однако, было странно, что тело выглядело обезвоженным, высохшим. В условиях этого леса, где почти нет солнечного света, а воздух очень влажный, мертвец должен был сгнить, а не превратиться в высушенную мумию.

Живот трупа все еще вздымался, и это немного беспокоило Чэнь Пи. Но такие люди, как он, никогда не действовали опрометчиво. Будь я на его месте, позорно бы сбежал, дрожа от страха. Но Чэнь Пи с детства считал себя самым сильным. Поразмыслив немного, он выстрелил тремя стальными шариками в живот мертвеца: если внутри него есть что-то живое, то лучший способ себя обезопасить — убить, а потом уже разбираться, что это.

Удар шариками был настолько мощным, что труп практически разорвало пополам, нижняя часть отвалилась в сторону, и Чэнь Пи увидел внутри облепленные желтой слизью образования, похожие на очень крупные яйца. Несколько этих яиц оказались повреждены, и в них можно было разглядеть ячейки с копошащимися там крупными личинками. Чэнь Пи сразу же узнал осиный улей, тем более, что из трупа уже вылезали взрослые земляные осы(1).

Чэнь Пи выругался, понимая, как ему не повезло: оказывается, насекомые устроили себе гнездо в теле мертвеца. Эти мелкие твари очень ядовиты, свирепы и могут доставить массу проблем.

Выбравшиеся из живота трупа осы начали собираться в рой, который со стороны походил на черное облако. Чэнь Пи спешно достал лопату-мультитул(2), которую всегда носил с собой, сгреб с земли верхний слой мокрой грязи и забросал ею живот мертвеца, стараясь запечатать гнездо, находившееся там. Потом попытался сбить на землю тех ос, что уже успели выбраться, швыряя комья грязи в собирающийся рой.

Оставшиеся осы набросились на него, вынудив бежать. Сняв куртку, он отчаянно отмахивался ею от насекомых и мчался через лес, не разбирая дороги. К счастью, быстрая реакция спасла его, Чэнь Пи отделался всего лишь несколькими укусами. Прихлопнув последнюю осу, ужалившую его, он остановился, задыхаясь, и понял, что заблудился.

Вытаскивая осиные жала из своего тела, он кривился от боли и задавался вопросом, как земляные осы умудрились сделать гнездо в трупе. Этот вид насекомых селится обычно в земле. В Гуанси, где почва насыщена влагой, эти гнезда возвышаются над землей наподобие муравейника, и многие, путая с муравейниками, вскрывают их, желая достать муравьев и их яйца(3). Свою ошибку незадачливые охотники за муравьями понимают слишком поздно, когда рой целиком облепит их.

Но Чэнь Пи много времени провел в Юньнани и Гуанси, знал о местных особенностях земляных ос и не перепутал бы гнездо с муравейником. Сейчас же ему просто не повезло. Он огляделся на случай, если какая-то недобитая оса крутится рядом, потом перебрался через небольшой холм и замер.

Впереди у подножья холма он увидел руины огромной каменной пагоды. Изначально форма ее была шестиугольной, до обрушения это было величественное здание с массивными ярусами, широкими балками и догунами(4). Чэнь Пи соскреб ножом мох, срезал растения, опутавшие камень, и увидел рельефную резьбу, утонченную и изысканную, но покрытую сажей. Очевидно, тут был пожар, и огонь оставил следы на камне. Возможно, именно пожар стал основной причиной обрушения.

Верхние ярусы и сёрин лежали на земле, нижние ярусы были полностью разрушены. Часть упавших камней была глубоко утоплена в земле, вокруг лежали поваленные деревья, вероятно, поврежденные при обрушении храма.

Имея богатый опыт, Чэнь Пи знал, что такие древние постройки обычно имеют подземные помещения, широкий фундамент и массивное основание из нескольких ярусов, которое венчает сёрин, являющийся продолжением центрального столба. Строение сёрина может различаться, но, как правило, там должны быть таз для росы(5), лотос Ян(6), патра(7), девять колец(8) и жемчужина исполнения желаний(9). На девяти кольцах могут быть закреплены колокольчики ветра(10), водяное пламя(11) и решетчатые шары.(12) Другими словами, на сёрине может быть много ценного.

Он обошел руины пагоды кругом. Падая, сёрин, видимо, задел шероховатую ель(13), растущую рядом, сломав ее посередине. А ствол дерева рухнул на пагоду, расколов ее пополам. И уже затем стали разваливаться поврежденные стены. Оценив масштаб разрушений, Чэнь Пи решил, что многое, имевшее ценность, превратилось в подобие фарша для пирога, даже если отыскать эти вещи, можно просто выбросить их.

Он вернулся к подножью холма, где еще стояла полуразрушенная стена храма, и пролез внутрь. Везде под ногами валялось каменное крошево, проход в подземную часть был там. К сожалению, строители не замуровали его, и теперь весь проход был завален щебнем и битым кирпичом. Чтобы раскопать его одной складной лопатой, потребуется полгода.

Чэнь Пи прикинул время и свое местоположение. Когда он спустился с людьми мяо со скалы, близился вечер и небо начинало темнеть. Сейчас уже взошла луна. Зашел он слишком далеко, да еще потерял дорогу, спасаясь от ос. Не стоило искать обратную дорогу самому, лучше прикинуться заблудившимся и ждать, пока люди мяо его найдут. Подумав так, он развел костер возле полуразрушенной стены, надеясь привлечь остальных, и поднялся на самую высокую из сохранившихся стен, чтобы осмотреться.

Сопоставив увиденное с высоты Лежащего Будды и здесь, он понял, что находится в самом глубоком месте котловины, где деревья растут тесно и их наклон не всегда строго вертикальный. Вероятнее всего грунт здесь слишком влажный и мягкий, возможно даже плывун. Достаточно небольшого толчка, чтобы образовался провал.

Чэнь Пи сделал два вывода: во-первых, подземная часть храма должна находиться не очень глубоко, если копать, можно добраться минут за двадцать. Во-вторых, мягкий грунт не требует физической силы при разработке. Оставалось решить: добраться до подземной части сейчас или прийти позже. Вроде бы вернуться сюда не так уж и сложно. Но, как и все даому, Чэнь Пи был азартен. Поняв, что внизу есть что-то неизвестное, он уже не мог остановиться.

Стиснув зубы, Чэнь Пи решил: раз судьба привела его сюда, нечего раздумывать. Если мяо, пришедшие с ним, застанут его за работой, не проблема. Убить всех, сбросить тела под землю — никто и не узнает.

Он имел с собой только складную лопату, а вот лоянскую взять не подумал. С другой стороны, хоть пагода и редкая, но вроде бы ее форма не сильно отличается от традиционных, можно не заморачиваться с определением границ подземной части. Гробниц внутри быть не должно, значит, и цзунцзы не будет. Доверившись своей интуиции, он начал копать.

Довольно быстро из-под земли показалась крыша подземной части, которая оказалась не каменной, а деревянной, сделанной из продольно разрезанных стволов, которые потом согнули

дугами. Это обрадовало Чэнь Пи, он легко отрезал проволочной пилой(14) небольшой угол так, чтобы высохшее дерево упало вниз, образовав проход. Глубина, судя по звуку упавшего куска дерева, была небольшой, и он попробовал осветить подземное помещение фонарем.

Зеркальные дворцы обычно симметричны относительно уровня земли, соответственно, внизу должно быть столько же уровней, сколько ярусов было сверху. Если учитывать это правило, то подземная часть должна быть очень глубокой. Глядя сверху, Чэнь Пи не видел перекрытий между уровнями, а свет фонаря глубоко не проникал, освещая лишь что-то вроде беловатого тумана. Но что это было, Чэнь Пи не знал.

Вспомнив, что люди мяо говорили о демонах, вырвавшихся из подземелий храма, он почувствовал некоторую обеспокоенность. Но это чувство было мимолетным, в его крови бурлил азарт даому. Никаких странных запахов в воздухе из-под земли не было. Чэнь Пи осторожно ступил ногой на балку, проверив ее прочность, затем свесился вниз головой, цепляясь за балку ногами.

Закрепившись в таком положении, он осветил свод подземного помещения. Ловушек опасаться не было смысла: это не гробница, храмы не надо было охранять от разграбления, их даже не украшали как следует. На потолке было множество надписей.

На изогнутых балках были вырезаны и покрыты киноварным лаком(15) Священные Писания на санскрите. Но Чэнь Пи даже китайские иероглифы не все знал, тем более не умел читать на других языках. Однако, интуитивно догадывался, что надписи на потолке имеют важное значение. Киноварью обычно писали сутры, предназначенные для защиты от демонов. Это заставляло задуматься: вдруг тут действительно что-то запечатали?

Снова посмотрев вниз, он смог более четко рассмотреть, что там. Каждый последующий уровень был меньше предыдущего, вдоль стены спиралью спускался вниз широкий карниз, напоминавший витую лестницу. На этом карнизе стояли статуи архатов(16), искусно вырезанные и раскрашенные яркими и сочными цветами. Взгляды этих статуй были направлены вниз. Чэнь Пи насчитал около десятка уровней и более сотни статуй в разных позах Луохань цюань(17).

Ближайшая статуя находилась недалеко. Чэнь Пи, висевший вниз головой, взглянув на нее, почувствовал холодную дрожь: глаза у этой и других статуй были совсем белыми, а выражение лиц ужасало. Они совсем не были похожи на те изваяния, которые ему довелось видеть в храмах до сих пор.

Присмотревшись повнимательнее, он понял, что произошло. Глаза были вполне нормальными, но свет фонаря под определенным углом создавал блики, придавая лицам зловещее

выражение. Случаен ли такой эффект или скульпторы спланировали его?

Чэнь Пи все еще чувствовал себя не в своей тарелке, но не видел объективных причин для страха, а потому отступать не собирался. Он обшаривал подземное помещение светом фонаря метр за метром. И внезапно остановился, заметив нечто необычное. На карнизе, на шестом или седьмом уровне стояла статуя архата, сильно отличавшаяся от остальных. Его взгляд не был направлен вниз, такое впечатление, что этот святой в упор смотрел на Чэнь Пи, прямо в глаза. В лице этой статуи, казалось, проступало живое человеческое упрямство и странный интерес. Если бы не неподвижность статуи, его легко можно было принять за человека или призрака.

Теперь Чэнь Пи был напуган и на какое-то время потерял способность двигаться. А затем почувствовал, что ноги его больше не держат, и он соскальзывает с балки.

Вообще-то призраков и демонов Чэнь Пи не боялся. Но он убил много народу, преступления его были ужасны и зла в этот мир он принес немало. Так отчего бы не появиться призраку, желающему отомстить? Кроме того, людям его поколения свойственно было суеверие в той или иной степени. Чэнь Пи искренне считал, что до сих пор демоны не трогают его лишь благодаря благословию предков.

Человек не может жить без веры. Люди из посторонних(18) верят в Гуань Гуна(19). Что касается даому, то северяне почитают Чжун Куя(20), а южане, которым не свойственны суеверия, надеются только в себя. Но в Чанша старики рассказывают, что в старину южане поклонялись Золотому Королю(21)

Что за король такой золотой? Это известный контрабандист Хуан Чао(22), великий полководец, штурмующий небо и Золотой император. Зачем поклоняться такому человеку? Как я слышал от старейшин Чанша, есть несколько причин. Одна из них: огромное количество убийств, совершенных этим человеком. Но важно не их число: говорят, что он собственноручно убил восемь миллионов человек. Важно, что он убивал во имя спасения. Что это значит? У него была цель, которую можно было достичь, лишь убив. Не знаю, откуда взята эта история: рукописный ли роман, устное ли творчество. Но, согласно легендам, Хуан Чао — реинкарнация архата Муляня, который, чтобы выволить из ада свою мать, освободил восемь миллионов голодных демонов. Поэтому Будда сказал ему перевоплотиться и убить тех, чьи тела захватили эти демоны, только тогда он сможет вернуться к своему состоянию архата. Другими словами, Будда перевоплотил архата, чтобы тот ему набрал мигрантов-рабочих.(23)

Чэнь Пи не боялся статуи, смотрящей на него, но чувствовал, что ее отличие не случайно. Могло ли быть так, что древние строители предвидели появление даому и установили эту статую так, чтобы напугать непрошеного гостя?

Примечания переводчика

(1) Земляные осы — реальный вид насекомых, вот только не слышала, что они гнезда могут в трупах делать. Хотя, если допустить наличие червей в теле, вполне возможно, ос привлекло наличие будущего корма для личинок. Но при этом тело должно быть практически полностью разложившимся и высохшим, или иметь отверстия, которые осы могли принять за готовые норы. Ядовитость земляных ос сильно преувеличена, основную опасность представляет лишь возможная аллергическая реакция (в несколько раз сильнее, чем от пчелиного яда). Главную опасность представляет рой: земляные осы очень агрессивны, а при большом количестве укусов аллергическая реакция анафилактического типа может возникнуть даже у людей с нормальной иммунной системой.

(2) Лопата-мультикул - многофункциональная армейская лопата, складная и разборная. Возможно, Чэнь Пи носил с собой что-то вроде WJQ-308, которая стоит на вооружении китайской армии.

(3) "Желая достать муравьев и их яйца". На юге Китая распространены блюда из муравьев и муравьиных яиц.

(4) Догун. Конструкция пагод не предполагает стропильной и кровельной система. Крыши, как таковой, у пагод нет, есть ярусы, которые логичнее называть карнизами. А вместо стропильной системы использовалась столбчато-балочная система с одним или несколькими центральными вертикальными столбами и расходящимися от них в стороны балками, удерживающими ярусные карнизы. Характерной особенностью кровельной системы пагод являются угловые кронштейны — догуны.

(5) Рос — цоколь, на котором покоится весь сёрин. Поскольку он покрывает верх крыши для предотвращения протечек, он обычно имеет столько же сторон, сколько и сама крыша (четыре, шесть или восемь)

(6) Лотос Ян — украшение сёрина в виде лотоса с загнутыми вверх лепестками, может иметь второй круг лепестков, которые загнуты вниз.

(7) Патра — в буддизме чаша для подаяния. В украшениях пагод использовалась как иконографический атрибут Будды, обычно расположена между тазом для росы и лотосом Ян.

(8) Девять колец — основная часть сёрина, которую иногда называют "девять звонков" или "девять позвонков" по аналогии с позвоночником, хребтом.

(9) Жемчужина исполнения желаний — сферической или каплевидной формы навершие сёрина. Считается, что он отталкивает зло и исполняет желания, его также можно найти на вершинах пирамидальных храмовых крыш, каменных фонарей или высоких столбов. Часто в нем хранятся мощи и реликвии храма.

(10) Колокольчики ветра — архитектурное украшение, аналог популярной "песни ветра", крепятся к краям колец сёрина.

(11) Водяное пламя — деталь, состоящая из четырех декоративных ажурных металлических листов, установленных под углом 90 ° друг к другу.

(12) Решетчатые шары — традиционные ритуальные китайские украшения. Их еще называют "шар в шаре".

(13) Шероховатая ель, *Picea asperata* — вид елей, эндемичный для Китая.

(14) Проволочная пила — походный инструмент вполне в стиле Чэнь Пи, витая из нескольких проволок струна, в которой роль режущего элемента выполняют сами витки проволока, а на концах для удобства захвата закреплены кольца.

(15) Киноварный лак использовался для обработки дерева по двум причинам. Киноварь в его составе хорошо защищала дерево от гниения и короедов, а красный цвет имел символическое значение, особенно в буддизме.

(16) Архат — святой-буддист, достигший высшего совершенства и свободный от дальнейших перевоплощений.

(17) Луохань цюань, "кулак архата", является общим названием для всех стилей китайских боевых искусств, названных в честь архатов, святых буддийских фигур. Этот стиль считается полностью буддийским стилем Шаолиня. Насчитывает от 27 (маленький Луохань цюань) до 54 (большой Луохань цюань) поз. Изначально Луохань цюань был медитативной методикой, и лишь позже, в традициях Шаолиня приобрел боевое значение.

(18) "Посторонние люди" — так даоу называют тех, кто не занимается этим ремеслом.

(19) Гуань Гун, также известный как Гуань Ди — это образ, основанный на реально существовавшем прототипе, на истории одного из самых известных в Китае военачальников царства Шу по имени Гуань Юй, жившим в 160 – 219 годы нашей эры. Гуань Юй это его настоящее имя, а Гуань Гун означает просто «Господин Гуань» или «Божество Гуань». Приставка Ди к его имени означает «Государь». Есть несколько версий, согласно которым Гуань Юй то ли чудесным образом родился из крови дракона, то ли во время его рождения над домом кружился дракон, но правда в том, что с юношеских пор он стал защитником бедных от несправедливости чиновников. История Гуань Гуна описана в классическом китайском романе "Троецарствие". Были времена, когда по велению императора, изображения Гуань Гуна висели в каждом воинском шатре и использовались солдатами как талисманы. Специальным декретом устанавливалась необходимость совершать жертвоприношения в его честь. Считается, что одна из его обязанностей на небесах - хранить и оберегать священные тексты, поэтому его изображение можно встретить во многих храмах. Купцы верили, что образ Гуань Гуна приносит денежную удачу, помогает в торговле, поэтому его изображение используют для

привлечения богатства. В наше время изображение Гуань Гуна считается талисманом для привлечения богатства, для помощи в конкурентной борьбе, а также амулетом для защиты от краж.

(20) Чжун Куй, в поздней китайской мифологии повелитель демонов. Образ Чжун Куя возник, приблизительно, в 6 столетии до нашей эры и первоначально ассоциировался с палицей из персикового дерева, отгоняющей нечисть. В средние века его заменил антропоморфный образ предводителя бесов. Слово Чжун Куй в буквальном переводе означает "палица демонов". В китайский обычай вошло рисовать красной краской Чжун Куя, ловившего бесов, и вывешивать это его изображение с магическими целями. Обыкновенно китайцы такой ритуал проводили в праздник дуаньян, то есть пятого числа пятой луны. На народных лубках Чжун Куй изображался, как правило, в костюме чиновника, в позе, угрожающей бесам. Изображения повелителя демонов Чжун Куя было принято наклеивать на обе створки двери, так что он выполнял обязанности бога дверей. Считалось также, будто Чжун Куй вершит правосудие над душами умерших.

(21) Золотой король, Хуан Ван, 金王, это не имя, а прозвище.

(22) Хуан Чао — средневековый китайский повстанец. Согласно точке зрения коммунистических историков, один из вождей крестьянского восстания 874—884 годов в Китае; согласно мнению современной западной китаистики, глава крупной криминальной группировки, временно захватившей власть в Китае. Выходец из семьи, разбогатевшей на контрабанде соли и торговле ею. В отличие от рядовых крестьян он знал грамоту, прекрасно владел мечом, метко стрелял на скаку из лука. Был хорошим воином. Как утверждает Кембриджская история Китая, т.3, Хуан Чао не имел программы, направленной на перераспределение земель, и не пользовался поддержкой крестьянства. Длительный успех и географическая широта его деятельности были сопряжены не с народной поддержкой, но со слабостью и коррупцией танского двора.

(23) Описанные в конце легенды в оригинале выделены курсивом. Подразумевается, что это отступление У Се. На самом деле это сатирическая интерпретация легенды об ученике Будды Маудгальяне, который с помощью сверхъестественных способностей разыскивал своих умерших родителей. Отца он нашёл на небесах, а мать, которая нарушила данный при жизни обет и ела мясо, в мире голодных духов: предложенная сыном еда превращалась у неё во рту в раскалённые угли. Не имея сил помочь ей, Маудгальяна обратился за помощью к Будде. Татхагата посоветовал ему и всем монахам совершать подношения и посвящать заслуги, чтобы мать первого ученика могла обрести благое перерождение. Благодаря усилиям Маудгальяны мать покинула ад и переродилась в Раджагахе в виде собаки. Последующее чтение сыном сутр помогло ей обрести человеческий облик. Эта история описана в китайском сказании «Бянь-вень о Муляне и пьесе «Мулянь спасает свою мать».

ГЛАВА 4. ЕЩЕ ОДИН

Чем больше смотрел на эту статую Чэнь Пи, тем сильнее была в его сердце тревога. Но ему-то уже лет пятьдесят-шестьдесят было, мне до его опыта и храбрости далековато. Несмотря на все возрастающую тревогу, он не подался панике, лишь тщательно все обдумал. Взяв в руку пару стальных шариков, получше зацепился ногами за балку и "выстрелил" в странную статую архата.

Чэнь Пи был убежден, что главное в жизни — напасть первым. Мой дед тоже не раз говорил мне об этом, убеждая, что именно так надо жить. Можно сказать, это главный принцип всех даоистов, простой, но очень действенный. Два стальных шарика, казавшиеся детской игрушкой, ударились о статую, издав приглушенный звук. Чэнь Пи попал прямо в глаза белолицему архату и пробил голову насквозь. Шарик, вылетев из затылка, упал на дно зеркального дворца.

Будь это человек, он остался бы слепым, а то и умер бы. Рука Чэнь Пи, несмотря на возраст, была тверда и беспощадна. Статуя архата, сделанная из глины, не выдержала прицельного удара стали. На том месте, где только что злоебело белели глаза, теперь зияли две темные дыры. Из-за пустых глазниц выражение лица статуи стало каким-то странным, но Чэнь Пи почувствовал себя намного лучше, чем раньше.

Он вздохнул с облегчением и подумал, что эти мерзкие монахи должны были в храме познавать четыре благородных истины(1). Неужели, пытаясь избавиться от собственного страха, надо пугать людей такими клоунскими уловками? Подумав, он вынул коготь тигра(2), забросил крюк на вершину деревянного свода, веревку из моржовой кожи сбросил вниз и начал спускаться по ней, привязав конец к щиколотке для страховки. Уже четыре года Чэнь Пи предпочитал для веревок использовать именно этот материал. По прочности он не уступал стальным тросам, но эластичность его была во много раз выше. В свободном состоянии такая веревка занимала мало места: обернув дюжину раз вокруг пояса, Чэнь Пи мог куда угодно незаметно пронести ее. Запас этой веревки позволял спуститься на глубину до десяти метров.

Но подземная часть этого зеркального дворца оказалась больше. Чэнь Пи растянул веревку до предела, но до дна не доставал. Однако, отсюда он уже мог рассмотреть, что находится внизу. Пол, кажется, был выложен плитами белого мрамора и усыпан обломками. Видимо, этот храм пережил немало потрясений. В центре возвышалась небольшая пагода то ли из белого нефрита, то ли из слоновой кости. Очертания ее были нечеткими, потому что сверху она была накрыта ажурным каменным "шатром для сокровищ"(3).

О буддийских традициях Чэнь Пи знал мало. Его детство прошло задолго до освобождения, он не был грамотным человеком, но помнил поговорку, которую часто повторяли старики в Чанша: лучше сразиться с сотней тысяч хоу(4), чем с Буддой. Другими словами, пара вещей из храмов может быть куда более ценными, чем все сокровища гробниц древней аристократии. Но, хоть Чэнь Пи и слышал это, но до конца не понимал смысла. Если бы на его месте был я, то сразу бы понял, что находилось на дне подземной части зеркального дворца.

Под маленькой пагодой должны было храниться восемь драгоценностей(5): восемь сундуков, вставленных друг в друга, где хранятся мощи Будды(6). Эта реликвия является символом трех тысяч миров(7) и шести перевоплощений(8). Для современных археологов даже не важно, настоящая кость лежит в последнем сундуке, нефритовая копия или свиток с символами — в любом случае сундук восьми сокровищ Будды имеет большую ценность.

Слушая старого Хая, я был в некотором замешательстве. Если Чэнь Пи действительно выкрал сокровище Будды, то как эти вещи оказались на фотографии в газете? Он ведь не стал бы так отдавать свой хабар государству. Может быть, он нашел сокровища, но не смог по какой-то причине их забрать? Но, учитывая его опыт, это мне кажется сомнительным.

Старый Хай не заметил моего недоумения и продолжил свой рассказ. Он был слишком многословен, говорил много лишнего, но если попрошу покороче, он может отказаться рассказывать. Поэтому мне пришлось терпеть его чрезмерное красноречие.

Итак, Чэнь Пи, увидев пагоду, не понял ее настоящей ценности, но чутье подсказывало, что это не дешевка. Забрав находку с собой, он явно не останется в проигрыше. Но как спуститься?

К сожалению, больше веревок у него с собой не было. Знал бы раньше — захватил. По хорошему надо было уйти сейчас, чтобы вернуться более подготовленным. Но решиться на такое сложно, когда сокровище так близко. Чэнь Пи никак не мог сделать выбор.

Он посветил по сторонам, прикидывая, нельзя ли как-то добраться до карниза, чтобы спуститься по нему, держась за статуи архатов. Внимательно осматривая уровень за уровнем, оценивая свои возможности, он вдруг заметил кое-что странное. На белом мраморном полу была насыпана куча земли, похожая на лёсс. Он случайно попал сюда, когда строители запечатывали подземную часть зеркального дворца? Или это произошло, когда Чэнь Пи вскрыл крышу?

Осветив эту кучу со всех сторон, четвертый господин понял: это не земля. Он недовольно фыркнул. Куча была похожа на набитый мешок, оказавшийся большим гнездом земляных ос, лежавшим возле стены. Осмотрев ее, Чэнь Пи заметил небольшой проем высотой в половину человеческого роста. Осиное гнездо закрывало этот проем почти полностью, словно "выросло" оттуда.

Кажется, вокруг этого зеркального дворца есть еще подземные помещения, и вполне вероятно, что они не изолированы друг от друга. Такие подземные пустоты для ос — прямо настоящий курорт, где зимой тепло, а летом прохладно. Та часть гнезда, которую видел Чэнь Пи, была невелика, но, возможно, внутри осы построили себе "дом" гигантских размеров, что не удивительно, ведь сюда не проникают ни ветер, ни дождь. Для насекомых это отличное место,

прямо-таки осиный фэн-шуй.

Тот кусок дерева, что упал вниз, когда Чэнь Пи его отпилил, оказывается, не долетел до самого дна, а застрял между двумя статуями на одном из нижних уровней. Это невероятное везение: попади дерево в гнездо, он бы сейчас висел, как колбаса в лавке мясника, закусанный насмерть, потому что быстро подняться обратно невозможно. И был бы он посмешищем для потомков, которые через тысячу лет случайно найдут это подземелье.

Это гнездо было серьезной проблемой. Спуститься Чэнь Пи, возможно, и сможет. Но передвигаться там, в узком пространстве, и, тем более, поднять сундук восьми сокровищ, не потревожив пчел — задача невыполнимая.

Чэнь Пи смирился с тем фактом, что спуститься и забрать сокровище нельзя, но есть один способ поднять его.

Здесь я должен рассказать кое-что о прошлом этого человека. Вырос он в рыбацкой деревне на побережье Чжэцзяна(9). Когда японцы оккупировали эту провинцию(10), он сбежал в Чанша. Обычно наши наставники не передают свои знания чужакам, но Чэнь Пи был очень умен, и оказался тем редким исключением, когда местные даоу не только приняли его, но и обучили секретам своего ремесла.

Еще в Хайяне(11) Чэнь Пи овладел уникальным умением ловить крабов во время отлива с помощью крюка с девятью когтями(12). Это оружие похоже на летающие когти тигра, которые часто показывают в фильмах о боевых искусствах, и которые использует спецназ для подъема на отвесные стены и скалы. Только у когтей тигра три крюка, а у когтей Чэнь Пи было девять крючьев, плотно расположенных по кругу. Он привязывал эластичную веревку к концу крюка, завидев краба, бросал в него крюк, натягивал веревку — и добыча падала в плетеную корзину.

В дневнике деда были записи об этом искусстве кунг-фу, оно требовало точности и высокой концентрации внимания. Опытные мастера могли захватить девятью крючьями сырое яйцо на расстоянии двадцати метров и не повредить его. Со стороны это казалось чем-то магическим. Если расстояние было больше, дополнительно требовалось удилище, но точность при этом оставалась такой же.

И сейчас у Чэнь Пи не было другого выбора, кроме как прибегнуть к навыкам из своего детства. Сперва он, раскачиваясь, добрался до стены и спустился вниз на несколько уровней. Когда до пагоды оставалось метров десять, он закинул крюк, который пролетел по короткой дуге и зацепился за "шатер для сокровищ". К счастью, это не был гранит, материал оказался намного легче. Чэнь Пи поднял "шатер" и надел его на голову одной из статуй, а крюк послушно вернулся к нему в руку.

Следующий шаг — поднять пагоду. Нефрит это или слоновая кость, но у Чэнь Пи ничего не вышло. Зацепив крюком верхушку, он потянул раз, два, но пагода с места не сдвинулась.

"Не полтонны, но все равно много, " — подумал Чэнь Пи, выругался и спустился пониже. Вершина пагоды оказалась на одном уровне с ним, на расстоянии вытянутой руки.

Он осветил основание пагоды и увидел четыре небольших колонны. Похоже, это была маленькая копия разрушенного храма, конструкция ее должна быть точно такой же. На четыре колонны приходится основной вес, сокровищница же должна находиться посередине между ними, как зал внутри настоящего храма. Вот только под таким углом нельзя было бросить коготь, чтобы зацепить то, что находится под пагодой.

Терпение Чэнь Пи было уже не пределе. Прошло уже часа четыре с тех пор, как он расстался с людьми мяо. Вполне возможно, они уже ищут его и находятся где-то поблизости. Нет времени придумывать что-то конструктивное. Пульс его участился, азарт не позволял отступить. Чэнь Пи был в бешенстве. Щелкнув пальцами, он выпустил пару стальных шариков, которые ударились об одну из колонн, расколов ее. Прыгнув вперед, он ногой наступил на неустойчивую сторону пагоды и медленно, удерживая ее вес, наклонил в сторону. Две целые опоры, на которые теперь приходилось веса больше, чем раньше, сломались, пагода осела и треснула в основании.

Продолжая осторожно наклонять пагоду, Чэнь Пи, наконец, увидел край сундука восьми сокровищ Будды, выбросил крюк, зацепил его, поймал сундук. Затем метнул крюк в сторону статуи архата, стоявшей напротив, и натянул веревку, чтобы вернуть пагоду в устойчивое состояние.

На все это ему потребовалось не более трех секунд. Но он не рассчитал прочность статуи: вес человека она, возможно, и выдержала бы, но, когда Чэнь Пи натянул веревку, пытаясь удержать наклонившуюся пагоду, статуя закачалась и начала падать. Внизу, прямо под ней лежало осиное гнездо. И неважно, кто туда упадет: глиняная статуя или живой человек — смерть неизбежна.

Молниеносным движением Чэнь Пи потянул падающую статую к себе, перебросив сундук восьми сокровищ в свободную руку. Статую он поймал, но пагода, которую больше никто не держал, наклонилась еще больше, и ее вершина врезалась в стену, и ближайšie к ней статуи начали падать на пол и осиное гнездо.

Сделать Чэнь Пи уже ничего не мог, только беспомощно смотрел, как разбиваются о мраморный пол статуи, две из них падают на гнездо, в котором сразу появились трещины и дыры. В воздухе висела взвесь пыли, видимость стала плохой.

Он отбросил бесполезного теперь архата, он покрепче схватил сундук восьми сокровищ и направил луч фонаря на гнездо. Сердце замерло, старик честно признался сам себе, что в кои-то веки ему не повезло: пройдя столько испытаний, он, как настоящий даому, найдет свою смерть под землей.

Однако, вопреки ожиданиям, из трещин в гнезде не вылетело ни одной осы. Обнажившиеся соты были сухими, там не было тягучего осинога меда. Это гнездо было брошенным. Присмотревшись получше, Чэнь Пи почувствовал, как холодеет его сердце: внутри гнезда что-то было. Что-то, очертаниями напоминающее человеческое тело. Мертвец? Труп животного?

Спрыгнув вниз, Чэнь Пи поспешно доломал гнездо: внутри оказалась разбитая статуя архата. Видимо, она упала в то время, когда гнездо только строилось, потому и оказалась внутри.

Чэнь Пи озадаченно посмотрел наверх. Спускаясь сюда, он не пересчитывал статуи, но, если бы было пустое место, то заметил бы. Так откуда же взялась лишняя статуя?

Примечания переводчика

(1) Четыре благородных истины — основные доктрины буддизма:

(2) "Коготь тигра" — так оружие Чэнь Пи названо в оригинале. Но в сериале "Таинственная девятка" вроде бы упоминался "коготь дракона". Скорее всего, речь идет о фэйчжуа — китайское гибко-суставчатое оружие. Представляло собой верёвку, к которой крепились боевая часть в виде крюков. Появилось в период Суй (конец VI — начало VII века), наибольшего распространения достигло в период Сун (X—XIII века), однако при этом оставалось редким типом оружия. Боевая часть фэйчжуа была выполнена в виде лапы с подвижными когтями, загнутыми внутрь, и по размеру немного превосходила человеческую голову. Зацепившиеся за атакуемый объект когти сжимались при увеличении силы натяжения верёвки. Длина верёвки в некоторых случаях могла достигать 10 м. Есть множество разновидностей этого оружия: фэйгоу (летающий крюк), крюк драконьих усов, когти цветка сливы, когти дракона. Отличие между ними заключалось только в строении и форме боевой части. Возможно, есть и когти тигра.

(3) Шатер для сокровищ, бао чжан — это дословный перевод. По описанию похоже на стеклянный колпак, которым в музеях закрывают экспонаты. Только здесь описывается не стеклянный, а каменный ажурный.

(4) Хоу — наследственный титул знати в древнем Китае. Приблизительно соответствует европейскому титулу «маркиз».

(5) Восемь драгоценностей — один из символов буддизма, Аштамангала. Благой зонт, два карпа, драгоценная ваза, лотос, белая раковина, бесконечный узел, знамя, колесо дхармы. Одна тибетская легенда гласит, что когда Будда достиг Совершенного Пробуждения, ему преподнесли 8 благоприятных символов. Изображения этих восьми символов украшают все виды светских и сакральных буддийских объектов, они встречаются на резной деревянной мебели, на кованых металлических изделиях, на стенных панелях, на коврах и на шёлковой ткани. Эти восемь символов часто рисуются на дороге, ведущей в храм или монастырь, при помощи разноцветных порошков и служат знаком приветствия и почтения прибывающим именитым духовным гостям. Самым ценным сокровищем любого храма были мощи Будды, которые хранились в ступе (пагоде) в восьми ларцах.

(6) Мощи Будды описаны археологом Хань Вэем: "Всего, я открыл семь сундуков, вложенных один в другой, пока не добрался до миниатюрной золотой пагоды с одноярусной крышей, увенчанной жемчужиной. В основании этой пагоды находилась серебряная подставка, а на ней лежал кусочек кости. Как гласила надпись на плите, эта косточка (длиной 4,03 сантиметра и весом 16 граммов) является частью пальца Будды Шакьямуни"

(7) "Символ трех тысяч миров". Три тысячи миров — концепция существования Вселенной в буддизме, согласно ей наш мир — не один, всего их три тысячи, при этом они вложены друг в друга точно так же, как сундуки восьми сокровищ Будды. Но, в отличие от символа, три тысячи миров еще могут пересекаться друг с другом.

(8) Шесть перевоплощений или Шесть загробных миров (также их называют шесть лок, шесть реальностей, шесть путей, шестью путями перерождений, шестью путями страданий, шестью уровнями, шестью низшими реальностями) — в буддизме шесть возможных перерождений в сансаре. Выделяются следующие шесть миров (от высшего к низшему):

(9) Чжэцзян — провинция на востоке Китая. Власти провинции размещаются в Ханчжоу.

(10) Японская оккупация Чжэцзяна случилась во время Второй китайско-японской войны. Провинция была передана под контроль марионеточного государства, известного как Реорганизованное национальное правительство Китая .

(11) Уезд Хайянь входит в городской округ Цзясин в провинции Чжэцзян

(12) Крюк с девятью когтями — еще одна разновидность фэйчжуа, имеющая не столько боевое, сколько практическое назначение.

ГЛАВА 5. ИЗНАЧАЛЬНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

В подземной части храма было очень темно, фонаря хватало, чтобы осветить лицо лишь одного из архатов, смотрящего вниз, у остальных статуй только глаза отсвечивали бликами. Казалось, сотни неподвижных людей внимательно наблюдают за Чэнь Пи. Стоило лишь немного изменить угол освещения, как выражение этих застывших лиц менялось, становилось каким-то жутким. В этой странной атмосфере ему, единственному живому здесь человеку, было не по себе.

В сердцах он проклинал бритоголовых монахов, которые явно специально расставили статуи таким образом. Но больше его волновало другое: он так и не нашел места, где должна была стоять лишняя статуя.

И тут его словно озарило. Направив свет на лицо того архата, которому он выбил глаза, он сообразил, что лишь эта статуя отличалась от остальных. Возможно, в ней и кроется ответ. Могло ведь быть так, что кто-то столкнул статую, а вместо нее поставил другую.

Но кому это надо было? Устроивший замену сделал это не просто так: он должен был просчитать, что кто-то после него зависнет в определенном месте, и установить статую нужным образом. Не мог же этот человек знать, что сюда проникнет он, Чэнь Пи, и будет висеть именно в таком положении. А главное: получается, что он не первый, кто проник сюда. Кто-то еще побывал тут раньше и устроил все так, чтобы запугать последующих посетителей.

Освещая лицо безглазого архата, Чэнь Пи сильнее сжал в руках сундук восьми сокровищ. Если он вторым попал сюда, почему первый не забрал отсюда самое ценное? Он же не на экскурсию приходил. Значит, все-таки это ловушка, расставленная бритоголовыми осликами-монахами, которые рассчитывали, что таким образом могут напугать даоу.

Чэнь Пи постарался успокоиться. Все-таки возраст давал знать о себе, после стольких лет испытаний он уже почти достиг предела своих возможностей. Кашляя и оглядываясь вокруг, он думал, как вернуться назад, прилагая минимум усилий.

И в этот момент Чэнь Пи увидел нечто ужасающее.

Когда свет фонаря скользнул в сторону от лица безглазого архата, эта статуя повернула голову, словно следила за лучом.

Это произошло очень быстро, архат сразу же оказался в темноте, но Чэнь Пи был уверен, что это не обман зрения. Чувствуя, что нервы на пределе, он присел, затем закричал, чтобы придать себе храбрости и, вскинув руку, выпустил сразу несколько стальных шариков. Место, где стояла странная статуя, полностью было погружено во тьму, стрелял он наугад, полагаясь

на свою память. Дюжина стальных шариков ударилась обо что-то, но звука разбивающейся глины не было. Почему стальные шарики попали в стену? Неужели чудовищный архат уже спрыгнул со своего места? В панике Чэнь Пи достал пистолет, который всегда с молодости носил с собой.

Сейчас он был напуган по-настоящему. До сих пор он практически не использовал огнестрельное оружие, да и в нынешних условиях пользы от него маловато. Но пистолет в руке придавал ему уверенности.

Можно десятилетиями ворошить песок, но при этом вероятность встречи с цзунцзы невелика. Немногие даому сталкивались с ними. Но даже мой дед, еще в детстве переживший подобное, вряд ли остался бы абсолютно спокойным. А Чэнь Пи в основном имел опыт со смертью обычных людей, и, столкнувшись с нечистью, запаниковал.

Но, несмотря на страх, он продолжал искать выход и заметил тот самый проход, который раньше загораживало осиное гнездо. Выбраться тем же путем, которым он пришел, было невозможно, и этот проход был единственной реальной возможностью сбежать.

С кошачьей грацией он протиснулся внутрь и оказался в небольшой камере с каменными стенами. Огромное осиное гнездо, формой напоминавшее мешок, словно выросло из стены, занимая большую часть пространства, и невозможно было понять, что тут было и для чего это помещение построено. Сделав пару шагов, Чэнь Пи попал ногой в гнездо, споткнулся и упал лицом в какую-то грязь, фонарь отлетел далеко в сторону. Но он даже не попытался найти его, лишь покрепче прижал к себе сундук восьми сокровищ и бросился вперед.

С другой стороны камеры был узкий проход, обычно такие ведут наружу, что-то вроде запасного выхода. Там было темно, под ногами чавкала грязь. Не видя, куда ступает, Чэнь Пи упорно двигался вперед. Постепенно уклон прохода изменился, ведя вверх. Пробежав еще с десяток шагов, Чэнь Пи споткнулся обо что-то, ударился головой и, выбравшись наружу, упал на землю.

Снаружи горел костер, разведенный им. Поднявшись, Чэнь Пи огляделся: позади была полуразрушенная стена, оказывается, вход в подземную часть храма был именно в ней. И тут он почувствовал прикосновение холодного металла к своей шее: его окружили люди мяо, приставив клинки к горлу и отобрав сундук восьми сокровищ.

Сил сопротивляться у Чэнь Пи уже не было, кто-то ударил его сзади под колено, и он упал на землю. Люди мяо стояли вокруг с факелами, и выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Вероятно, пройдя по указанному маршруту и ничего не найдя, они поняли, что Чэнь

Пи обманул их.

Он тяжело дышал, и сейчас уже не притворялся, чтобы смягчить гнев мяо, его на самом деле душил кашель. Человек, которого он нанял проводником, задал пару вопросов, но в ответ Чэнь Пи лишь отмахнулся, продолжая кашлять и показывая, что беспокоиться надо не о нем.

Выглядел он на самом деле сильно уставшим и обеспокоенным, поэтому люди мяо растерялись немного, не зная, что делать. Несколько человек, заинтересовавшись проходом, откуда он вышел, хотели осмотреть его.

Чэнь Пи всего лишь на минуту задумался о том, куда делся догонявший его архат, и был ли он настоящим чудовищем. Силы его немного восстановились, он неосознанно вытащил пригоршню стальных шариков и выбросил их в стороны, выбив факелы из рук окружавших его людей.

Люди Мяо были в панике, а Чэнь Пи ухмыльнулся, собираясь расправиться с ними привычным способом, и поднял пистолет. Всего лишь на мгновение он почувствовал легкое дуновение возле своей руки, а когда посмотрел туда, пальца, лежавшего на курке, уже не было.

Он даже боли не почувствовал и не до конца понял, что произошло, когда холодное дуновение коснулось его лица. Обернувшись, он увидел спокойные глаза одного из мяо, видимо, старшего, с татуировкой на теле. Последнее, что он запомнил — это та самая татуировка в виде цилиндра, которая, словно живая, двигалась вместе с телом своего хозяина. В следующую секунду он ослеп: лезвие ножа прошло через левый глаз, рассекло переносицу и остановилось лишь в наружном углу правого глаза. Так Чэнь Пи потерял зрение. Больше он ничего не помнил, сразу лишился сознания от боли, которую, наконец, почувствовал.

Старый Хай закончил свой рассказ: "Люди мяо передали Чэнь Пи местному отряду самообороны. На его счастье там оказался один из его старых друзей, только поэтому Чэнь Пи не расстреляли. Сундук восьми сокровищ отдали в музей, там его вскрыли сотрудники. Сокровищ не нашли, только бронзовую рыбку, о которой написали в газете. Когда Чэнь Пи узнал об этом, переживал страшно, говорил, что судьба над ним зло подшутила. Он считал, что кто-то попал в подземную часть храма до него и вынес настоящие сокровища, а эту рыбку оставил в качестве шутки для следующего даому."

Слушая историю, рассказанную старым Хаем, я и не заметил, что выпил не одну рюмку. Чувствуя легкое опьянение, я спросил: "Почему он так решил?"

Старый Хай высосал нескольких улиток и пояснил: "Не могу сказать. Чэнь Пи давно ведет

монашеский образ жизни, мы изредка встречаемся, когда я выполняю заказы в Гуанси. Я ценю наши с вами дружеские отношения и могу специально переговорить с ним. Но сами понимаете, обычно такая информация денег стоит. Если от нее вам будет какой-то толк, не забудьте и о моем интересе."

Выругавшись про себя, я спросил его про аукцион в Ханчжоу.

Старый Хай съел последнюю улитку и ответил: "Когда эту рыбку нашли, в государственном музейном деле и нашем антикварном бизнесе был жуткий беспредел. Следы этой рыбки потерялись. Но сегодня ее кто-то выставил на аукцион. Я туда приглашен в качестве эксперта. Это обычное дело, я известен в своей области, поэтому мне прислали каталог и приглашение. И в каталоге я увидел описание этой рыбки, вспомнил, что вы ею интересовались и связался с вами. Не знаю, есть вам от этого какая-то польза, но, может быть, захотите купить или хотя бы узнаете, кто окажется новым владельцем."

Глянув на стартовую цену в каталоге, я нервно хихикнул: десять миллионов! Только сумасшедший выложит такие деньги. А у меня есть две такие, если я решу продать, то стану обладателем двадцати миллионов... если найдется псих, который это купит. Кажется, организаторы аукциона искусственно накручивают цену, стоит ли им доверять?

Новости старого Хая были интересными, но это не совсем то, что я хотел знать. Темы для разговора кончились, мы закурили, задумавшись каждый о своем. Официант, увидев, что мы закончили есть, подошел, чтобы убрать посуду, словно намекал, что нам пора уходить. Пришлось снова завести ни к чему не обязывающий разговор. Старый Хай заявил, что всегда готов принять от меня хороший товар. На что я ответил вежливым отказом, пояснив, что пока не решил, буду ворошить песок или останусь простым торговцем. А про себя подумал, что старик совсем не искренен, о выгоде своей не забывает и мои планы его не интересуют.

Мы допили вино, и я, наконец, решил принять приглашение на аукцион, а затем предложил старому Хаю отдохнуть. Вечером Цинь Хайтин пожелала прогуляться по городу. Как хозяин, я не мог отказать, поэтому сопровождал своих гостей по самым интересным местам Ханчжоу, по дороге мы перекусили в закусочной. Но погода была холодной, они скоро захотели вернуться и отправиться спать.

Придя домой, я почувствовал себя одиноко. Раньше такого не было, меня одиночество никогда не тревожило, даже наоборот. Может быть, события последних месяцев изменили мой характер? Подниматься наверх я не стал, решил побаловать себя и отправился в чайный домик, принадлежавший моему второму дяде. Тем более, что время было как раз для вечернего чая.(1)

Наслаждаясь чайной церемонией, я читал дедушкины записки и размышлял о том, что узнал сегодня. Меня смущало одно: все три рыбы найдены в разные периоды и в разных местах. У них нет ничего общего, кроме внешнего вида. И нет никаких подсказок, чтобы понять, что их связывает.

У древних, изготовивших этих рыбок, должна быть какая-то цель, которую обычному человеку не понять. И главная моя проблема в том, что я не понимаю этой цели. Стоит мне нащупать ее, и я буду знать, в каком направлении искать дальше.

Я опечалено вздохнул. Вот если бы дедушка был жив или третий дядя оказался рядом. По крайней мере, было бы с кем обсудить эту задачку. Но я один, и это так скучно: задавать вопросы себе самому.

Тут я почувствовал запах паленой бумаги и опустил глаза. Чтобы найти хоть какие-то закономерности, я только что рассматривал географический атлас Китая. Держа в руках сигарету вместо ручки, я умудрился прожечь дырки в тех местах, где были найдены все три рыбки. Страница была бесповоротно испорчена. Погасив окурок, я огляделся: официант ничего не заметил, я вздохнул с облегчением.

Второй дядя, конечно, родственник мне, но когда дело касается книг и журналов, он становится очень щепетильным и строгим. Это его коллекция, если он узнает, что я прожег одну из книг, то голову мне оторвет.

Сделав вид, что ничего не произошло, я вернул атлас на место. И его тут же взял какой-то старик. Переживая, что он обнаружит прожженную страницу и поймет, кто это сделал, я сел на диван неподалеку. Напевая какую-то песенку себе под нос, он медленно листал страницы.

Когда старик добрался до испорченной страницы, я собрался дать деру, но услышал, как он, тихо смеясь, пробормотал себе под нос: "Интересно, кто тут прожег такую странную схему фэн-шуй?"

Примечания переводчика

(1) Время для вечернего чая. Ритуалы, соблюдаемые китайцами, делятся на несколько типов в зависимости от времени их проведения:

рассветный чай – проводится с 4 до 6 часов утра;

утреннее чаепитие – ровно в 6 часов утра;

послеобеденная церемония – проводится после 13 часов;

вечерний чай – ровно в 18 часов;

ночная церемония – с 23 часов 30 минут до 4 часов утра;

торжественное чаепитие – проводится во время национальных торжеств.

ГЛАВА 6. ПРОСТОЙ ОТВЕТ

Эту фразу старик произнес очень четко, но говорил он с акцентом, который выдавал в нем уроженца Чанша, и это было для меня сюрпризом.

Украдкой я присмотрелся к нему. Выглядел этот человек очень странно. На вид ему было около семидесяти лет, невысокого роста, худощавый, очки на носу, которые, кажется, он никогда не снимал, потому что на переносице был явно замечен характерный след, похожий на шрам. Толщина стекол очков была так велика, что они напоминали донышко пивной бутылки, за которыми не видно было глаз. Наверное, видел этот старик очень плохо. Одет он был в старый помятый стеганный пиджак. Такая одежда в Ханчжоу не в ходу. Однако, в чайный домик второго дяди наведывались очень странные и интересные люди, официанты привыкли и на внешний вид посетителей внимания не обращали.

Я молча смотрел, что он будет делать дальше. Старик взял атлас и пошел за свой столик, заложив руки за спину. Его осанка была просто идеальной, а походка летящей. Наверно, он в молодости был либо спортсменом, либо военным.

За столиком, непринужденно беседуя, сидели еще несколько человек примерно того же возраста. Увидев возвращающегося старика, они всем своим видом выказали ему уважение, очевидно, он в этой компании главный.

Я потихоньку прихватил свой чай и присел за соседним столиком, наострив уши, надеясь услышать, что скажет этот странный старик.

Вначале разговор шел о котировках валют и инвестировании акций, мне это было не интересно. Где-то через полчаса молчавший до сих пор старик выложил атлас на середину столика и сказал: "Хотите, покажу вам кое-что занятное?" Он открыл ту страницу, которую я прожег. Неужели этот человек что-то знает об интересующей меня проблеме? Я затаил

дыхание, боясь пропустить хоть слово. Старик, улыбаясь, предложил: "Посмотрите внимательно, что особенного в этой карте? Хочу вас проверить, господа."

Его товарищи, глянув на карту, заговорили разом. Один заявил, что в карте нет ничего особенного, остальные заметили, что дырки образуют треугольник. Станный старик, усмехаясь, качал головой, показывая, что они не угадали.

А меня охватило любопытство. С нетерпением ждал правильного ответа, ведь я-то знал, что за точки прожег на этой карте. Разве могу я сдаться в такой момент?

Поняв, что никто с загадкой не справился, старик улыбнулся еще шире и, понизив голос почти до шепота, сказал фразу, которую я не понял. Остальные сразу разволновались и склонились над атласом.

Я был сильно разочарован. Собеседники за соседним столиком перешли на незнакомый мне диалект. Ничего не имею против, если в моем присутствии разговаривают на непонятном языке. Но неужели я так и не узнаю, какой секрет кроется в прожженном мной треугольнике на карте?

Я пытался понять, что за диалект использовали люди за соседним столом. Одно могу сказать только: на китайский язык это было мало похоже. Откуда, черт побери, эти люди?

В какой-то момент я понял, что не могу больше оставаться в неведении: мой разум просто закипал от неудовлетворенного любопытства. Все мое существо протестовало против того, что мне не дают узнать ответ на интересующую меня загадку. Черт, я ничего не могу с собой поделать, я должен сам спросить! Собравшись с духом, я встал и подошел к ним, притворившись наивным юнцом: "Уважаемые, могу ли я узнать, откуда вы? Ваш диалект мне незнаком."

В Ханчжоу такое поведение не принято, это не Пекин, где народ более раскован. На мгновение я пожалел о том, что сделал, и ожидал, что со мной даже разговаривать не будут.

Но вопреки моим опасениям, старики недолго удивлялись моему вопросу и рассмеялись в ответ. А тот, что принес атлас, сказал: "Молодой человек, это нормально, что ты не понимаешь нашу речь. Это устаревший диалект мяо(1), во всем Китае на нем говорит не более тысячи человек."

Я был удивлен: "Вы из народа мяо? Но почему вы так не похожи на них?"

Старики снова рассмеялись и не ответили мне. Я видел, что между собой они были очень общительны, но я для них чужак, мои вопросы они могут просто проигнорировать. Не ожидая, пока меня полностью исключат из разговора, я решился задать интересующий меня вопрос: "Уважаемые, только не смейтесь надо мной, пожалуйста. Я слышал, как вы, дедушка, сказали что-то про интересный фэн-шуй на карте. Эту страницу прожег я. Дырки от моей сигареты имеют какой-то особенное значение?"

Старик внимательно посмотрел на меня: "Вы, молодой человек, тоже разбираетесь в фэн-шуй? Я могу вам объяснить, что я увидел, но вряд ли вы поймете."

"Пойму! Пойму!" — я готов был ноги ему целовать, лишь бы он ответил. — Прошу вас, откройте мне глаза!"

Старики переглянулись, и главный с улыбкой сказал: "Такой интерес похвален. Действительно, три дырки, которые вы прожгли, расположены особенным образом. Соедините их и посмотрите внимательно. Что вы видите?"

Я взял атлас, посмотрел на него и внезапно все понял: "Это он!" Все оказалось проще простого.

Если гробницу Лу Шан Вана в Шаньдуне, храм на горе Лежащего Будды и подводную гробницу в Сиша, где были обнаружены все три бронзовые рыбки, соединить с береговой линией Китайского моря, то получается очень знакомая форма. Достаточно лишь приглядеться, как на карте проступает схема драконовых жил!(2)

Как я мог быть таким глупым?! Отвлёкся на различие во времени и забыл о геомантии!

Старик заметил мое удивление и понял, что я увидел суть без особых подсказок. В голосе его звучало легкое восхищение: "Кажется, ты с ходу многое понял. Это скрытый водный дракон. Его полное название "прячущийся дракон, выходящий из моря". Однако, в этой схеме не хватает головы дракона(3)." Желая проиллюстрировать сказанное, он своей сигаретой прожег еще одну дырку в атласе, на месте Чанбайшань.

Страница атласа уже перестала дымиться, а я все еще не мог собрать мысли воедино: "Э-э-э, господин, есть ли смысл в таком фэн-шуй?"

Старик усмехнулся: "Смотри внимательно, в зависимости от поля зрения это можно назвать и вершиной, и хребтом(4). Обрати внимание на те точки, где Чанбайшань, Циньлин, Имэньшань и Куньлунь(5) уходят в землю. Все крупные драконовы жилы в Китае соединены между собой в тех точках, что отметил ты. Естественно, есть бесчисленное количество вершин на этой драконовой жиле, где скапливается воздух, а значит, собирается энергия ци. Именно их ты и отметил на суше. Но одна точка находится в воде, потому жила и называется водным драконом. Однако на практике такую схему фэн-шуй, которая охватывает столь огромное пространство, использовать сложно. Для большинства это скорее абстрактный пример. Хотя в древности подобные схемы использовались для выбора места столицы гадателями. Так определено было место для строительства Пекина. А вот чтобы построить гробницу императора, такая схема уже слишком сложна и велика. Я немного знаю о таком фэн-шуй. Слышал, что непревзойденным мастером, которому под силу применить подобное на практике, был Ван Цзанхай из ранней династии Мин."

Мой глаза загорелись, когда я услышал это. Сделанные на карте семь отверстий словно превратились в моей голове в единую картину.(6)

Почему шестигранные колокольчики из гробницы Лу Шан Вана попали в подводную гробницу? Почему бронзовая рыбка путешествует во времени? Причина проста. Все гробницы, где я обнаружил эти совпадения, как-то были связаны с Ван Цзанхаем.

В местах скопления энергии ци на жиле обычно строятся гробницы, самое благоприятное место — это глаз дракона, который старик обозначил на Чанбайшане. Мне все еще не понятно, зачем в гробницах и храме были оставлены бронзовые змеебровые рыбки. Но одно уже я предполагал твердо — все дороги вели в Чанбайшань. Именно там должен быть Небесный дворец Ван Цзанхая, на который тот потратил столько усилий и трудов.

Вот только кто же похоронен в небесной гробнице на снежной горе?

Старик видел, что я удивлен и в замешательстве, но, наверно не понимал, о чем я думаю. Махнув своим собеседникам рукой, он расплатился по счету и вышел, оставив передо мной раскрытый атлас на столике. Я не сразу понял, что остался один, а когда осознал это, то вспомнил, что не спросил контакты у странного старика. Пospешив следом, я увидел, как на улице он снял очки, и меня словно громом поразило.

Его лицо пересекал ужасный шрам, начинавшийся от угла левого глаза, пересекающий переносицу так, словно ее перерубили мечом, правый глаз, похоже, совсем отсутствовал. Я остановился, как вкопанный, забыв обо всем. За это время старик и его спутники сели в машину и уехали.

Этот старик так складно говорит, сдержанный, но сквозь эту сдержанность проглядывает невероятная самоуверенность, его походка и осанка... Это же Чэнь Пи четвертый, о котором мне сегодня рассказывал старый Хай!

Стоп! Мне только что рассказали о нем. И вот я уже лично встречаю его в чайном домике по соседству. Это совпадение?

Задумавшись, я почувствовал беспокойство. Слишком уж спешно старый Хай приехал в Ханчжоу, чтобы якобы рассказать мне интересную историю. А следом со мной лицом к лицу сталкивается герой этой истории. И рыбка, которой интересуюсь я, и которую нашел Чэнь Пи продается на аукционе, куда приглашен старый Хай. Не связаны ли эти двое? Может быть, они пытаются меня привлечь к этим своим делам, так, чтобы я ни о чем не заподозрил? Старый Хай — человек себе на уме, надо быть с ним осторожнее.

Я мог сколько угодно возмущаться, но одно понимал точно: я не знаю целей этих двоих. Странно было еще кое-что. Разве старый Хай не говорил, что Чэнь Пи ослеп много лет назад? Тогда как он мог увидеть карту, которую я прожег? И на девяностолетнего старика он не очень-то похож.

Однако, я хотя бы решил головоломку с головой дракона, теперь чувствовал себя немного комфортнее и чувство одиночества исчезло. Я вернулся в чайный домик, чтобы оплатить счет, затем отправился домой, намереваясь лечь спать.

Проспал я до полудня следующего дня, а проснувшись, увидел приглашение на аукцион, которое одиноко лежало на тумбочке. Вот же дурак, я все пропустил! Пришлось звонить старому Хаю, но он ничего интересного не рассказал: рыбку никто не купил. Здорово, может быть, мне купить ее? Я хотел обсудить это со старым Хаем, но он был неразговорчив, видимо, дела на аукционе отвлекали, а может, решил тоже купить что-нибудь.

На работу идти не хотелось. Может, посидеть в чайном домике, вдруг Чэнь Пи снова там появится? Но тут позвонили из магазина третьего дяди и сообщили, что меня кто-то ищет.

Почему-то я сразу подумал о Лао Яне и, надеюсь, что это не он, поспешил в магазин. Увидев посетителя, сидевшего на гостевом диване, я чуть не заплакал от счастья: "Паньцзы!"

(1) "Устаревший диалект мяо". Язык мяо имеет множество диалектов, которые относятся к группе изолирующих языков. Изолирующий язык характеризуется низким соотношением морфем к слову. Слова в максимально изолирующем языке будут состоять только из одной морфемы — корня, не образуя ни составных слов, ни сочетаний с суффиксами, префиксами и т. д. В этом отношении изолирующие языки противоположны синтетическим языкам, в которых слова могут состоять из нескольких морфем. Китайский же язык относится к группе синтетических агглютинативных языков. Не удивительно, что для китайца, независимо от диалекта, язык мяо будет полностью непонятен, несмотря на схожие лексически морфемы.

(2) Драконовы жилы — в фэн-шуй так называется длинная, без явных разрывов, горная цепь.

(3) Голова дракона. По правилам фэн-шуй, горная цепь (драконовы жилы) должна завершаться выделяющейся вершиной (головой дракона), где и находится идеальное место для захоронения.

(4) "Это можно назвать и вершиной и хребтом". Старик использует игру слов, перефразировав первую строку стихотворения Су Ши "Смотришь вдоль — образуют горный кряж, с оконечности — образуют пик."

(5) Чанбайшань, Циньлин, Имэньшань и Куньлунь — самые крупные горные системы Китая.

(6) "Сделанные на карте семь отверстий словно превратились в моей голове в единую картину". Сделать семь отверстий — создать Вселенную, ответить на все вопросы. Выражение это пошло от древнекитайского космогонического мифа о Семи отверстиях.

ГЛАВА 7. ПАНЬЦЗЫ

Паньцзы и я весь день просидели в магазине третьего дяди, рассказывая друг другу новости. Оказалось, что он пришел в себя почти сразу после моего отъезда на Хайнань. Но я так торопился тогда, что в больнице оставил только номер мобильного для связи. Естественно, когда мы спустились в гробницу, до меня уже невозможно было дозвониться.

У Паньцзы хорошее здоровье, и он быстро пошел на поправку. Но врачи все равно продержали его в больнице еще целый месяц. А когда он, наконец, вырвался оттуда, то связаться с нами уже не смог. К этому времени меня уже занесло в Шэньси, а третьего дядю вообще кто только не ищет, а найти не могут.

Заметив на рукаве у Паньцзы черную повязку(1), я спросил, что это. Он сказал, что не успел почтить память Панкуя на седьмой день(2), и решил вот так отдать дань памяти. Услышав его слова, я вспомнил поездку в Шаньдун и вздохнул. В конечном счете все это произошло из-за

меня. Если бы я тогда не показал свиток шелковой книги третьему дяде, ничего бы не произошло, и Панкуй был бы жив.

Паньцзы, заметив, как изменилось мое лицо, догадался, что за мысли бродит у меня в голове, и ободряюще похлопал меня по плечу: "Молодой третий господин, в нашем деле такое случается, от судьбы не уйдешь. Никто в случившемся не виноват."

Ему легко было говорить, это же не он собственноручно выпустил в Панкуя весь запас патронов.

Повздыхав некоторое время, я рассказал Паньцзы обо всем, что со мной приключилось за последнее время. Слушая мою историю, особенно предположения относительно поведения третьего дяди, он недовольно хмурился. А потом покачал головой и сказал, что он давно знает третьего дядю, и это определенно не тот человек, который способен на подлость. Паньцзы обиженно посоветовал не слушать посторонних людей.

С одной стороны я понимал его чувства. Паньцзы много лет тесно работал с дядей, хорошо его знал и даже, можно сказать, любил. Любое негативное мнение о третьем дяде, естественно, его обижает. Я прекратил разговор, сменив тему, и спросил, что он планирует делать дальше.

Паньцзы задумался ненадолго и сказал, что собирался вернуться в Чанша. Третьего дядю там все знают, значит, и для него работа найдется. Но теперь, когда он узнал от меня обо всех странностях, связанных с третьим дядей, с возвращением в Чанша следует повременить. Паньцзы не успокоится, пока сам все не проверит.

Я кивнул. Хотя я многого не знаю об отношениях между третьим дядей и Паньцзы, но лучше, если он тоже займется этим, ведь ему знакомы многие тонкости, в которые я не посвящен.

Паньцзы сделал несколько звонков и сказал, что придется подождать нужной информации. Я думал, что ожидание растянется дней на десять. Но перезвонили почти сразу. После звонка Паньцзы нахмурился и сказал: "Молодой третий господин, вы должны поехать со мной."

На мгновение я забеспокоился: неужели снова что-то произошло?

Но Паньцзы поспешил успокоить меня: "Третий господин у доверенного человека в Чанша оставил для вас сообщение, и этот человек просит, чтобы я привез вас туда."

"Третий дядя оставил для меня сообщение?" — мне уже не сиделось на месте. Я же никого не знаю в Чанша. Но все равно, почему со мной не связались?

Паньцзы ничего мне объяснять не стал, только с серьезным выражением лица заявил: "Там что-то срочное. Как вы думаете, когда мы можем отправиться?"

Я видел, что он очень обеспокоен, и смутно чувствовал, что дело серьезное. Но все равно не ожидал, что всегда спокойный Паньцзы будет так торопиться. Мы взяли билеты на ночной поезд до Чанша.

Отправляясь на вокзал, я спросил Паньцзы, почему мы не самолетом летим, если дело такое срочное? Разве это не странно? Но Паньцзы снова с загадочным видом похлопал меня по плечу и сказал, что все объяснит позже. При этом я заметил, как на его висках выступили капельки пота. Отчего он так нервничает?

После вокзала в Ханчжоу наш поезд сделал остановку на пригородной станции, а через три часа мы прибыли в Цзиньхуа(3). Меня мучило желание расспросить Паньцзы, что же все-таки случилось, но в это время поезд сделал временную остановку на полустанке.

Для стареньких электричек такие остановки — обычное дело. Когда Паньцзы покупал билеты, я советовал ему взять воспользоваться хотя бы высокоскоростным экспрессом, если уж самолет не устраивает. Там тоже сидячие места, но удобнее, чем в электричке(4). Но Паньцзы даже внимания на меня не обратил. И теперь, когда поезд остановился, я позлорадствовал в душе: теперь, как бы мы не торопились, стоять придется, а кто виноват?

Однако, не похоже, что Паньцзы переживал из-за задержки. Он похлопал меня по плечу и жестом попросил следовать за ним. Я даже спросить не успел, куда это он собрался, как он шустро метнулся через вагон и выпрыгнул в окно. Что он, черт возьми, делает? Пассажиры поезда были в шоке от увиденного, повскакивали со своих мест и бросились к окнам. А Паньцзы уже орал снаружи: "Молодой третий господин, чего вы ждете? Спускайтесь!"

Я покосился на присутствующих: все с интересом смотрели на меня. Похоже, моя физиономия завтра будет во всех заголовках местных газет с рассказом о том, как странные люди покидают поезд через окна вместо дверей. Но делать было нечего, пришлось выпрыгивать следом.

Вагоны электрички гораздо выше, чем в новых поездах. Упав на насыпь сбоку от железнодорожного полотна, я несколько раз перекувырнулся. Паньцзы сразу же помог мне встать и потащил за собой прочь.

Мы пробежали по краю поля, поднялись на другую насыпь, за которой показалась дорога, где нас уже ждал пикап. Паньцзы, даже не затормозив, затащил меня в кабину, а сидевший за рулем человек сразу же завел мотор.

Я пытался отдышаться и понять, где мы. Машина ехала по какой-то захолустной дороге. Я обернулся к Паньцзы и выругался: "Что за хрень ты творишь?"

Паньцзы тоже тяжело дышал, но увидев мой взъерошенный вид, невольно улыбнулся: "Не сердитесь, мне самому стыдно. Понятия не имею, как я умудрился подцепить хвост. И не знаю, смогу ли избавиться от него."

Сказав это, он посмотрел в заднее стекло, но там была только темнота, похоже, за нами никто не ехал.

Я ровным счетом не понимал ничего, мне казалось, что он специально зачем-то все это спланировал. Пришлось поинтересоваться, что за ерунда творится. Закурив, он ответил на диалекте Чанша: "В поезде сигнализация сработала. Третьего дедушки здесь нет. В Чанша собака ошпаренная. На земле старый пастух чертей пасет."

Это значило, что в поезде была милиция. Третьего дяди нет. В Чанша беспорядки творятся. А среди наших людей могут быть стукачи.

Говоря это Паньцзы украдкой посмотрел на водителя, и я понял, что тот человек со стороны, при нем стоит помалкивать. Поэтому я замолчал, но про себя подумал, что доигрался до статуса преступника в бегах.

Предки мои, да что ж это происходит? Всего несколько месяцев назад я был простым мелким торговцем и законопослушным гражданином, и вдруг стал сначала даому, который уроки дипломатии на цзунцзы отрабатывает, теперь я еще и скрываюсь от закона. Жизнь действительно интересна и непредсказуема.

Мы приехали в небольшой городок близ Цзинхуа и, расплатившись с водителем, вышли из машины. Паньцзы затащил меня в лавку, где мы купили пару подержанных костюмов. Нашего размера не нашлось, и в зеркале я увидел вместо себя странного человека в потрепанной тесной одежде. Затем мы поспешили на вокзал, где купили билеты на тот самый поезд, с которого недавно спрыгнули. Благодаря непредвиденной остановке поезда мы смогли опередить его.

На этот раз Паньцзы купил билеты на спальные места. Осмотрев вагон, он успокоился, сказав: "Сотрудники милиции, скорее всего, сошли в Цзиньхуа и ищут нас на автодорогах. Они вряд ли предполагают, что мы снова сядем на тот же поезд."

Роль беглеца мне была непривычна, я нервничал, не знал, куда руки деть и спросил Паньцзы: "Какого черта лысого здесь творится? Почему за нами следит милиция? Я же ничего не делал... нет, делал, но никто не знает, чем я занимался последние месяцы. Как об этом могло стать известно?"

"Понятия не имею, — ответил Паньцзы. — Днем я звонил по номеру, который известен только самым доверенным людям. Мне сказали только две вещи. Первое: я должен привезти вас в Чанша прямо сейчас, потому что третий дядя что-то там оставил именно для вас. Второе: по дороге следует быть осторожными, потому что странные дела в Чанша творятся. Я знаю человека, с которым разговаривал, он уже тридцать лет в деле с третьим дядей и абсолютно надежен. Я думал о том, чтобы переждать в Ханчжоу, но я не знаю города, у меня там нет связей на случай, если что-нибудь случится. Полагаю, лучше вернуться в Чанша и там уже разобраться, что к чему."

Видя, что я продолжаю беспокоиться, он разъяснил все подробнее: "Как только мы сели в поезд, я сразу заметил переодетых в штатское сотрудников милиции. Поэтому связался с друзьями и попросил подогнать машину поближе к железнодорожным путям на полустанке. Когда я потащил вас за собой, то уже знал, что машина ждет нас. Правда, я опасался, что вы при постороннем лишнего скажете. Но вы молодцом держались, сразу все поняли. Могу вас успокоить: раз нас не стали преследовать дальше, значит, целью милиции являемся не мы, а кто-то другой. Можно сказать, что мы — мелкие креветки в морковном супе, нас разве что как свидетелей могли взять. Вам тем более не нужно бояться, в лучшем случае могут приписать незаконную продажу антиквариата."

Услышав эти слова, я почувствовал себя спокойнее и уже собирался вознести благодарственную молитву богам, но Паньцзы продолжил: "Третий господин — не последний человек, и, если что-то происходит в Чанша, это обязательно его коснется. У него огромное число связей, он в курсе всех дел. Но мне человек из Чанша ничего не объяснил, а сам я даже предположить не могу, что произошло. И все же семья У последние несколько лет вела дела очень аккуратно, песок вообще не ворошили. А если это связано с делами прошлых лет, шума было бы больше. Я действительно не понимаю."

"И что ты собираешься теперь делать?" — спросил я, стараясь не отчаиваться.

"Сейчас мы не можем ехать прямо в Чанша, — ответил Паньцзы. — Сойдем сразу, как покинем Чжэцзян и пересядем на междугородний автобус до горной деревни на окраине Чанша. У третьего господина есть много точек для приема антиквариата вне города, поговорим там с людьми, найдем одного знакомого третьего дяди, владельца ломбарда."

Я кивнул. В это время поезд прибыл на станцию, в вагоне появились новые пассажиры, к нам в купе подсел один. Паньцзы подмигнул мне, и мы сразу же сменили тему.

Во время нашего разговора наедине я случайно упомянул Чэнь Пи. Он был известен в Чанша, Паньцзы тоже слышал о нем. "У этого человека, — сказал он, — тоже были дела с семьей У. Когда он ослеп, то перестал работать самостоятельно. После культурной революции он взял несколько учеников и занимался продажей антиквариата иностранцам. Мутный это человек, скажу я вам. Почти все его первые ученики погибли, некоторых расстреляли после ареста, про других мало что известно. А он сам до сих пор на свободе. О нем много слухов ходит, и лучше держаться от него подальше."

Вспоминая встречу с Чэнь Пи, я снова усомнился в его слепоте, все это очень странно.

На автобусе, как и планировал Паньцзы, мы добрались до горы Фушоу, от которой до Чанша было уже недалеко, всего несколько поворотов. Я был просто восхищен очаровательными пейзажами, а вот Паньцзы остался равнодушен, он уже привык к этим местам, прожив здесь много лет. Поэтому, не дав мне вдоволь налюбоваться горными красотами, он потащил меня на местный рынок, где торговали антиквариатом. В магазине, куда мы пришли, официально продавали подержанные компьютеры. Но вся торговля велась на улице. Зайдя внутрь, я понял, почему: задняя стенка была с секретом. Если ее отодвинуть, открывалась маленькая комнатка, дверь из которой вела в небольшой узкий проулок с натянутым сверху тентом. Там было тесновато и по обе стороны вдоль стен тянулись нескончаемые полки и стеллажи, уставленные антикварным товаром.

Народу было не много, все на вид покупатели и среди них один, видимо, владелец товара. Он узнал Паньцзы и сразу же направился к нам: "Ты чего сюда пришел? Снаряжение все уже подготовлено. Когда собираешься отправляться?"

"Снаряжение? Отправляться? Куда?" — Паньцзы явно был в замешательстве.

Его собеседник тоже застыл на мгновение в недоумении, потом удивленно спросил: "Ты что, ничего не знаешь?"

Паньцзы обернулся ко мне, словно собирался спрашивать, что тут происходит. Но я-то откуда знаю? Это же его территория. Тогда он снова обратился к владельцу подпольной лавки: "Для чего и кто снаряжение приготовил?"

"А разве ты не в курсе? — отозвался тот. — Третий господин приказал подготовить пятерых человек для работы и снабдить всем необходимым."

Примечания переводчика

(1) Черная повязка на рукаве. Вообще-то траурным в Китае считается белый цвет. Принято на похороны и на период траура одеваться в белое. Но траурная повязка (как и другие детали траурной одежды) черные.

(2) "Почтить память Панкуя на седьмой день". Традиционные поминки в Китае проводятся на седьмой день. Первые три дня китайцы вообще траур не носят, допуская возможность воскрешения. Затем близкие родственники соблюдают строгий траур. И лишь на седьмой день принимаются дары и пожертвования от друзей.

(3) Цзиньхуа (锦华) — городской округ в провинции Чжэцзян КНР.

(4) "Удобнее, чем в электричке." В последнее время в Китае практически не осталось привычных нам электропоездов. Между крупными и не очень городами давно построены железнодорожные сети для высокоскоростных поездов. Однако, пока еще на просторах Китая можно встретить и старенькие электрички зеленого цвета с очень жесткими сидячими местами.

ГЛАВА 8. НОВАЯ ШАЙКА

Паньцзы нахмурился: "Почему я ничего не знаю? Третий господин вернулся? Когда он распорядился людей собрать?"

Мужчина посмотрел на нас, видимо, решив, что Паньцзы решил подшутить над ним, пожал плечами и улыбнулся: "Вот только не надо дурака передо мной валять. Мне сказано приготовить для тебя снаряжение. Как ты можешь об этом не знать?"

Выругавшись, Паньцзы сердито ответил: "Я тебе врать, что ли, буду? Кто именно снаряжение приготовить сказал? Третий господин? Когда это было? Лично тебе приказал?"

Теперь мужчина видел, что мы на самом деле ничего не знаем. Его выражение лица изменилось, выражая искреннее недоумение: "Не знаю я подробностей. Мне этот приказ передал хозяин Чу, владелец ломбарда. Он у себя, можете у него сами все спросить."

Паньцзы недовольно фыркнул и потащил меня по узкому проходу в самый конец, где виднелись открытые железные ворота, за которыми оказался просто обставленный кабинет. На одном из гостевых диванов я увидел мужчину средних лет, с лысиной и полным лицом. Когда мы вошли,

он курил, но увидев нас, загасил сигарету и бросил окурок на пол и пошел нам навстречу.

Паньцзы поздоровался: "Брат Чу". Сейчас он всем видом выказывал лысому уважение, я сразу понял: именно этот человек передал, что для меня есть послание от третьего дяди.

Лысый посмотрел на Паньцзы, потом перевел взгляд на меня и строго спросил: "Где вас носило? Мы вас уже два дня ждем!"

Паньцзы рассказал ему о том, что произошло на дороге, и, не дожидаясь ответа, спросил с тревогой: "Брат Чу, что случилось? Мы перешли дорогу каким-то серьезным людям?"

Брат Чу неторопливо ответил: "Нет поводов для беспокойства. Все идет в соответствии с планами третьего дяди. Он попросил меня слить следователям информацию о некоторых его старых сделках. Это сразу дало результат: была создана специальная следственная группа. Не знаю, зачем это ему, но, кажется, он пытается так остановить своих конкурентов."

"Конкуренты?"

"Да. Этот небольшой вброс взбаламутил весь антикварный рынок. Теперь любой, кто будет хоть как-то касаться дел третьего дяди, окажется под наблюдением милиции. И те, кто не успел подготовиться заранее, окажутся в затруднительном положении. Так третий дядя освободил для тебя немного времени."

Я посмотрел на Паньцзы, ничего не понимая, и переспросил лысого: "Время? Зачем нам время?"

Лысый пожал плечами, показывая, что тоже не знает: "Твой третий дядя — старый лис. Я не могу угадать, что у него в голове и каковы его планы."

Паньцзы спросил его: "Встретив нас, Цзю Сы сказал, что снаряжение готово, и что это ты дал приказ. Объяснишь?"

Брат Чу, пригласив нас присесть, ответил: "Для этого третий дядя и передал вам послание. Сразу уточню: вначале он собирался сам отправиться и подготовил пять комплектов снаряжения, один из которых — для себя. Но недавно он позвонил мне и сказал, что есть другой человек, кто займет место в команде. Попросил не экономить на снаряжении и сообщил, что сам участвовать не сможет. Так что пятый комплект для вас, — лысый кивнул

мне. — Вы двое должны взять на себя ответственность и не позволить конкурентам опередить вас."

Да что за конкуренты такие? И внезапно я вспомнил компанию, на которую работала А Нин. Именно они тогда наняли третьего дядю. Может быть, все дело в том, что третий дядя обманул их в подводной гробнице?

Паньцзы попытался уточнить: "Третий господин не сказал, что за конкуренты такие?"

Лысый покачал головой: "Нет, не сказал. Но что-то подсказывает мне, что он сейчас в их руках, иначе бы давно лично объявился. Жаль, что у нас нет более конкретной информации. Мы ведь совсем ничего о них не знаем, это нехорошо."

Я опечалено вздохнул, а бритоголовый продолжил: "Ваш пункт назначения — одна из седловин Чанбайшаня, в провинции Цзилинь.⁽¹⁾ Конкретные ваши цели можно обозначить только координатами. Но я уже нашел вам местного гида, который поможет сориентироваться."

Чанбайшань у меня четко ассоциируется с Небесным дворцом Ван Цзанхая. Нет никаких сомнений, что эта гробница должна быть где-то там, может быть, в той самой седловине, что обозначена нашей целью.

Но мне-то зачем туда ехать? Нет никаких причин тащиться в такую даль, да еще и зимой. Так почему же я не отказываюсь?

Видимо, мое лицо сильно изменилось, и лысый решил, что я в нерешительности. Он резко вздохнул и сказал: "Честно говоря, я сам в смущении. Но, прежде чем звать вас, я все тщательно обдумал. Единственное, что сейчас можно сделать — это закончить дело, начатое третьим господином. Его план был хорош, возможно, вам удастся найти какие-то подсказки. В противном случае третий дядя может погибнуть."

Паньцзы, хлопнул меня по плечу, показывая брату Чу, что я согласен, вернулся к подробностям дела: "И что по плану третьего господина нам надо делать дальше?"

"Вас в группе пять человек, — ответил лысый. — Сначала на поезде доберетесь до Цзилиня. Снаряжение отправим следом. Там вас будут ждать машины, на которых доберетесь до места. С остальными членами группы связывался сами третий господин, и они уже давно прибыли."

Мы с Паньцзы задумчиво переглянулись. Цзилинь... кажется, я действительно собираюсь прогуляться по заснеженным горным вершинам.

Лысый постарался успокоить нас, заявив, что он несет полную ответственность за все, что связано с этим делом, поэтому нам не о чем беспокоиться. От нас требуется просто идти по указанному маршруту, следовать всем пунктам плана и быть осторожными, не мозолить глаза милиции по дороге. График у нас очень плотный: эту ночь мы проведем в Чанша, а завтра уже должны сесть в поезд. Билеты куплены, снаряжение упаковано. Остальные три члена группы уже знакомы со всеми подробностями. И, если у нас есть вопросы, мы сможем задать их своим спутникам завтра.

Умение командовать, видимо, было в крови у этого бритоголового владельца ломбарда. Похоже, третий дядя рассчитывал на него, давно продумав весь план. Вот только непонятно, какой у брата Чу здесь есть интерес.

Я пытался поспрашивать, но лысый то ли не знал ответов, то ли делал вид, что не в теме. По его словам, к плану третьего дяди нельзя придраться, мол, в этот раз старый лис показал все свои таланты.

Вышли мы тем же путем, что и вошли. У входа стоял грузовик, откуда выносили старые компьютеры. Паньцзы сказал, что так удобно провозить антиквариат, который прячут внутри системных блоков. При поверхностном осмотре на дорогах такие тайники не обнаружат. Лысый сказал, что нам придется перевозить в Цзилинь наше снаряжение этим же способом.

Паньцзы был из местной шпаны, вечером он соблазнил меня отведать местные пельмени, которые делают только в Чанша. Я пару раз бывал тут, и это блюдо было мне знакомо, но поесть не отказался. За ужином мы обсудили новости, полученные от брата Чу. Паньцзы, обдумав все услышанное, заявил: "Молодой третий господин, вы рассказывали мне о подводной гробнице. И я хочу сказать, что та компания, которая пригласила вас на Сиша, довольно подозрительна. Будь я проклят, если это не те конкуренты, которых опасается третий господин, вы так не думаете?"

"Мне тоже так кажется, — ответил я, — но полагаю, проблема не в самой организации, а в людях, которые за ней стоят. Сейчас об этом рано думать. В любом случае, если они заинтересованы в этом деле, то, рано или поздно, нам придется столкнуться. Но ты уверен, что можно доверять брату Чу?"

"Молодой третий господин, не думайте, что если я простой солдат, то совсем в людях не разбираюсь, — тон Паньцзы был немного обиженным. — Я абсолютно точно могу сказать, что верить брату Чу можно. Меня волнует другое. Он сказал, что нас в команде пятеро. Вот эти трое неизвестных меня волнуют куда больше, чем конкуренты. Знать бы, что за люди."

"Если их пригласил третий дядя, думаю, не стоит в них сомневаться," — уверенно ответил я.

Паньцзы покачал головой: "Я бы не был так уверен. Сам третий господин говорил, что за человеком надо наблюдать 365 дней году. За один день человек может измениться. А если не знать, что с человеком случилось за неделю, уже можно опасаться удара в спину. Особенно это актуально в нашем ремесле. Скажем, задолжал старый друг, кредиторы наседают — и вот ты уже лежишь с пулей в животе, и твоя мать хоронит тебя. Третий господин пропал давно, даже сердца доверенных ему людей могли перемениться за это время."

Но я попросил его не торопиться с выводами, пока ничего не знаем.

На улице похолодало к ночи, и после ужина мы отправились в дом, где жил Паньцзы, чтобы выспаться как следует. Утром после завтрака за нами заехал лысый. Убирая свой рюкзак в багажник, я заметил человека, сидевшего в машине. Этот старик показался мне очень знакомым, словно совсем недавно видел его где-то. Правда, это меня поначалу не сильно встревожило, перешучиваясь с Паньцзы, я сел в машину, собрался поприветствовать пассажира — и остолбенел. Старик со стройной фигурой, в странной одежде... чайный домик второго дяди в Ханчжоу. Это же Чэнь Пи четвертый!

Я так и застыл с открытым ртом, не сказав слова приветствия. Что он тут делает? Он один из пяти членов команды? Разве ему там место? Я покосился на Паньцзы — он тоже что-то удивленно пробормотал, взглянув на старика.

Лысый попросил поторопиться, мы в растерянности расселись по местам. Паньцзы был знаком с Чэнь Пи и вежливо поздоровался с ним. Тот, не открывая глаз, чуть склонил голову в знак ответного приветствия. Паньцзы повернулся к лысому и одними губами спросил: "Что происходит? Что этот старик тут делает?" Брат Чу в ответ лишь плечами пожал и так же беззвучно ответил, что это все план третьего господина.

Не может быть, чтобы дядя был так глуп! Этот старик слеп, он старше меня и Паньцзы вместе взятых, что за бардак творится в голове у третьего дяди?

Всю дорогу до вокзала мы провели в беспокойстве. Первый член нашей команды — столетний старик. А два других кто? Беременная женщина на сносках и инвалид в коляске? Третий дядя хочет проверить нас на прочность и узнать, насколько мы верим ему?

На вокзале Чэнь Пи первым вышел из машины: его походка была плавной, а осанка такой же ровной, как и тогда, в чайном домике. И закладывать руки за спину при ходьбе, наверно, давно вошло у него в привычку. Лысый оказывал ему всяческое уважение и даже нес за ним багаж.

Для всей команды лысый выкупил отдельное купе на шесть человек: спальные места для всех, а на шестом можно было разместить багаж.

Подойдя к купе, я с опаской заглянул внутрь и увидел... Толстяка, который с аппетитом ел лапшу. Заметив меня, он приподнял бровь и удивленно воскликнул: "Да чтоб мне всю жизнь ежей рожать! Опять ты?"

У меня внезапно заболела голова и сердце екнуло. Как третий дядя нашел его? Он специально собирал старую команду? В недоумении я посмотрел на верхнюю полку и увидел знакомые равнодушные глаза. А вот теперь можно вздохнуть с облегчением. Молчун хмуро покосился на меня и отвернулся к стенке, всем видом намекая, что его не стоит беспокоить.

ГЛАВА 9. ДЕВЯТЬ ДРАКОНОВ, НЕСУЩИЕ ШИ

По плану старика(1) мы должны были, прикидываясь туристами, ехать из Чанша в Шаньхайгуань(2), а затем отправиться в Дуньхуа(3). Поездка на поезде заняла около двух дней, за это время мы оставили позади почти 3000 километров. Делать в дороге было нечего, мы коротали время, играя в телефоне или читая журналы.

Я отдал Толстяку чек за проданный "рыбий глаз". Это его очень обрадовало и, видя, что он в хорошем настроении, я спросил, как он тут оказался?

Толстяк ответил, что иногда в одиночку делать что-то глупо. Например, на заброшенных горных тропах и в глухих лесах случаются даже перестрелки, в этом случае хорошо, если кто-то будет прикрывать тыл. А еще в одиночку не унести много снаряжения и не вынести все, что найдется в гробнице. Ворошить песок — дело опасное, сходить в гробницу и вернуться живым — это большая удача, которая не всегда сопутствует одиночке. Пару раз можно рискнуть, но не постоянно. Поэтому кто-то должен нести снаряжение и ворошить песок, а кто-то — брать на себя ответственность. Таких в древности называли "держащими ковш", чжодоу(4), а во времена Китайской Республики появилось жаргонное выражение цзя-лама, посредник(5). Обязанности цзя-ламы напоминают современного подрядчика, у которого в руках есть все планы и проекты, но сам он ничего не делает, лишь находит исполнителей, связывая их с заказчиком. В первое время после освобождения официальные археологи использовали услуги цзя-лам для поиска людей, способных помочь при раскопках.

Нашим цзя-ламой является брат Чу. У лысого владельца ломбарда просто невообразимое число связей в разных областях, он и нашел Толстяка через друзей в Пекине. Сам Толстяк обычно не ищет себе работу, а следует советам и рекомендациям друзей. Так он и попал к нам в

компанию. Что касается нашей цели, то, как правило, все знают лишь заказчик и цзя-лама, нанятым же людям сообщают ту часть, которую им надо знать для успешного выполнения своей работы. Это делается для конспирации, чтобы нанятые люди не могли слить информацию конкурентам или милиции. Спрашивая о брате Чу, я упомянул о третьем дяде, и тут Толстяк удрученно покачал головой: "Три ж демона бабушке в лысый череп. Не говори мне о своем дяде! Знал бы, что дело связано с этим фраером замороченным, ни за что бы не согласился."

Я разочарованно вздохнул. Похоже, Молчун тоже попал сюда благодаря связями брата Чу, но вряд ли он со мной откровенничать будет. И Толстяк, и Молчун явно знают больше, чем мы с Паньцзы. Хотя есть еще и Чэнь Пи, но он — совсем уж темная лошадка.

Молчун был, как всегда, в своем репертуаре, он даже не поздоровался со мной и всю дорогу дрых, отвернувшись к стенке. А ведь я хотел рассказать ему обо всех своих приключениях, как прилежный ученик, и спросить совета. Я честно пытался поговорить с ним, но после пары слов понял, что он не собирается меня слушать. Толстяк заметил мои попытки и посоветовал не лезть к Молчуну, заявив, что тот с самого начала такой, даже в машине по дороге на вокзал спал.

Как только поезд тронулся, мы засели за большую двойку D(6). Играя, я думал о Чэнь Пи четвертом. Старик не сказал ни слова с тех пор, как мы поздоровались в машине. Да и приветствием его легкий кивок в сторону Паньцзы назвать было сложно. Толстяк спросил меня: "Кто этот тощий старик?" И Паньцзы рассказал вкратце историю этого господина. Узнав, что ему больше девяноста лет, Толстяк побледнел и возмутился: "Не говорите мне, что эта старая развалина пойдет с нами в горы. Когда никого рядом не будет, я придушу его милосердия ради, и никто меня не остановит. В любом случае он не переживет горных дорог."

Паньцзы зажал ему рот: "Под наркозом так базарить будешь. Этот старик слишком хорош в нашем деле. А если услышит тебя, то просто закопает по дороге."

Я вспомнил, как Чэнь Пи вел себя в чайном домике, словно почтенный учитель, окруженный толпой учеников, хотя все эти ученики были тоже немалого возраста. За свою жизнь он достиг многого, завоевал уважение среди антикваров и даому, имел связи не только в Чанша, но и за его пределами. Как могло получиться, что он оказался в группе нанятых даодоу? Сам пришел к цзя-ламе и попросился? Действительно смерти не боится?

Я заговорил об этом с Паньцзы, он улыбнулся и ответил: "Как вы этого не понимаете? Нас всех собрал цзя-лама по просьбе третьего господина. И в команде уже не имеет значения, кто какой вес имеет в обществе, у кого какой опыт. Есть заказчик, третий господин, есть цзя-лама, который отбирает команду по заданным параметрам. Таковы правила. Если хочешь получить свою долю хабара, должен правила соблюдать. Он — уважаемый человек, но в команде мы все равны, и он ничего с этим не поделает. Однако... — Паньцзы запнулся, — мы должны быть

осторожны с этим стариком. Он лишь на первый взгляд старый, слабый и одинокий. Но у таких людей всегда есть туз в рукаве и верные люди."

"Не понимаю я твоего третьего господина! — возмущенно вскричал Толстяк. — Он намеренно путаницу всегда устраивает? Если этот человек опасен, я думаю, нам не осторожными надо быть, а сразу его обезвредить. Давайте так и поступим."

Паньцзы покосился на дверь: "Толстяк, хватить чушь городить! Третий господин зачем-то взял именно Чэнь Пи, значит, так было надо. И мы должны не думки свои думать, а понять, чем он будет полезен. В любом случае он уже старый и не так хорош, как был в молодости, а нас четверо. Если потребуется, справи... ой-ой!"

Он не успел договорить: с верхней полки свесилась рука Молчуна, и его пальцы изо всей силы уцепились Паньцзы за плечо. Тот стиснул зубы от боли, но замолчал, а мы с Толстяком, обалдев, наблюдали эту сцену. Паньцзы не особенно любил Молчуна, он как раз собирался разразиться гневной тирадой, когда дверь скрипнула и вошел Чэнь Пи.

Переглянувшись, мы поспешно отвели глаза и сделали вид, что старательно играем в карты. Со стороны это, наверно, было похоже на реакцию студентов, которые прячут шпаргалки, увидев вошедшего преподавателя.

Старик молча посмотрел на нас и улегся на свое место. Но понять, спит он или просто лежит с закрытыми глазами, было нельзя.

Теперь, когда Чэнь Пи находился в купе, обсуждать что-то мы не могли, пришлось сосредоточиться на игре, чем мы и занимались почти все оставшееся время. Казалось, минуты и часы тянутся бесконечно долго, наш поезд прибыл в Шаньхайгуань на следующие сутки около полуночи.

Шаньхайгуань — это первая застава Поднебесной(7), одно из первых монументальных сооружений в древнем Китае, которое отреставрировали в 1986 году. До следующего рейса оставалось около двух часов, и Толстяк заявил, что желает пойти туда и осмотреть достопримечательность, как нормальный турист. Но я охладил его пыл, напомнив, что сейчас ночь, луны на небе нет, и даже птицы спят. И мы проследовали в зал ожидания.

Был канун Праздника весны(8), на вокзале даже ночью было много людей, в зале стоял неприятный запах. Некоторые пассажиры в ожидании своих рейсов спали не только сидя, но и на полу, нам приходилось идти осторожно, чтобы не наступить на кого-нибудь. Те, кто не спал, хаотично передвигались по вокзалу, толпа разделила нас. Молчун и Чэнь Пи предусмотрительно убрались от людей подальше. Толстяк заметно выделялся, толкаясь,

отдавливая ноги и громко ругаясь при этом. Я хотел позвать всех поближе и уже поднял руку, но Паньцзы потянул меня в сторону и усадил рядом с собой.

Я был удивлен такому поведению, хотел вырваться, но он удержал меня: "Сидите тихо! На облаву похоже."

Поняв, в чем дело, я перестал сопротивляться, сел рядом. Со всех сторон двигались люди, я заметил в толпе несколько человек в милицейской форме, которые проверяли у пассажиров документы.

Опустив голову, я тихо на диалекте Ханчжоу ответил: "По-моему, никакая это не облава. В Ханчжоу постоянно так документы проверяют на вокзалах и в аэропорту. Снаряжения у нас с собой нет, документы в порядке. Чего нам бояться?"

Паньцзы кивнул головой, указывая на пару неприметных мужчин в штатском и сказал: "Смотрите внимательно. У входа стоит охрана. В толпе много сотрудников милиции в штатском. Зачем для проверки документов сотрудники без формы? Они кого-то ищут. Так что голову опустите и не привлекайте внимания."

Но совет Паньцзы запоздал. Вглядываясь в толпу, я заметил знакомое лицо: зажатый толпой человек пристально смотрел в нашу сторону. Я пытался вспомнить, где его видел, когда мужчина вырвался из толпы с криком, указывая на меня: "Вот! Вот они!"

Когда он поднял руки, я увидел блеск наручников на запястьях. Что за ерунда творится? И тут я вспомнил: разве это не брат Чу? Всего два дня прошло, как мы не виделись, его уже арестовали?

"Бежим! Нечего кота за яйца тянуть!" — толкая меня в спину, торопил Паньцзы. Следом за нами устремились несколько людей в штатском, крича: "Стоять!"

Мы неслись, сломя голову, перепрыгивая через сидения, расталкивая людей. Перед Паньцзы толпа расступалась, а вот мне все пытались преградить дорогу. Неужели я выгляжу таким заморышем, что всем вот прям сейчас надо под ноги мне кинуться?

Заметив, что мне перегородили путь, в мою сторону направился и человек в форме. Но тут внезапно разбилась лампа прямо над моей головой. Толпа шарахнулась в сторону, преграждая дорогу сотруднику милиции. Затем разбилась еще одна лампа, и я, воспользовавшись этой заминкой, как нашкодивший котенок, прополз между ногами столпившихся вокруг людей и

бросился к дверям. Но меня кто-то схватил за шиворот и потащил в сторону. Это был Паньцзы, который жестом показал, что надо идти к железнодорожным путям.

Лампы в зале словно взрывались, одна за другой, становилось все темнее и темнее, осколки стекла падали пассажирам на головы и уже устилали пол. Вокруг стоял нескончаемый шум: крики, плач детей, топот множества ног. Толпа хлынула к выходу, мы постарались влиться в этот поток, который вынес нас наружу.

Я увидел Толстяка, который жестами показывал, что с ним все в порядке. Хотел спросить о Молчуне, но тот внезапно оказался рядом, словно призрак. Пробравшись к нам сквозь толпу, Толстяк спросил Паньцзы: "Похоже, ваш цзя-лама сломался и сдал куай-цзы(9). Что делать будем?"

"Этот сын черепахи так просто и быстро раскололся! — Паньцзы был в бешенстве. — В этом мире нельзя никому доверять. Если мне выпадет такой шанс, я этого колобка надкусанного прибью."

"Это если шанс выпадет, — перебил его гневную тираду Толстяк. — Сейчас-то нам что делать?"

Паньцзы почесал в затылке, что именно сейчас делать, он не знал, потому обернулся ко мне. А я что, самый умный, да? Открыв рот, чтобы выругаться, я не успел слова сказать, Молчун положил мне руку на плечо и предложил: "Пошли за стариком."

Мы оглядели толпу. Чэнь Пи с невозмутимым видом стоял неподалеку, окруженный группой людей средних лет. До этого я их не замечал, но сейчас они смотрели на Чэнь Пи, как на своего господина.

Молчун без лишних слов пошел к ним. Мы поняли, что сейчас не время вопросы задавать и отправились следом. Чэнь Пи увидел нас и подал знак своим людям, и они словно растворились среди потока людей. Сам Чэнь Пи, жестом попросив нас следовать за ним, пошел прочь.

Слившись с толпой, мы, наконец, покинули вокзал Шаньхайгуань, погрузившийся в темноту, и направились в парк. Там мы остановились, переглянулись: выглядели мы сейчас совсем не лучшим образом, все шло не по плану. Я-то надеялся, что под руководством брата Чу нам даже думать не придется. Предположить не мог, что за такое короткое время этого плешивого дурака арестуют, да еще он самолично пальцем на меня покажет. И толку с того, что третий дядя столько лет знал его? Кажется, он сильно ошибся в своем человеке.

Мы присели на траву, чтобы немного отдохнуть. Чэнь Пи посмотрел на нас, усмехнулся и хриплым голосом сказал: "И это с вами я должен найти девять драконов, несущих Ши императора Восточной Ся(10)? У Саньсин из ума выжил?"

Примечания переводчика

(1) "По плану старика". В оригинале говорится о 老头 — старик, пожилой человек. Это выражение может относиться как к брату Чу, который знакомил пятерых членов команды с планом третьего дяди, или самому третьему дяде, так и к Чэнь Пи. Но, если учитывать контекст, речь идет о брате Чу, хотя он не старик вроде, а средних лет человек.

(2) Шаньхайгуань, 山海关 — самая восточная застава Великой Китайской стены, находится в г. Циньхуандао в провинции Хэбэй.

(3) Дуньхуа, 敦化 — городской уезд в провинции Цзилинь, что на северо-востоке Китая на границе с Северной Кореей

(4) Держащий ковш, 执斗, чжодоу, дословно можно перевести "ловить и драться", но иероглиф имеет устоявшееся книжное значение "держат в руках" (в смысле, управлять, руководить, держать бразды правления). "Держащий ковш" — это руководитель, объединяющий группу людей, следующих определенной цели. Иероглиф 斗 (доу, ковш) имеет множество значений, появившихся еще в древности, в том числе, он обозначает "ковш" (используется как буквально, так и метафорически, например, в астрономических терминах). Ковш в космогонической мифологии Китая имеет символические значения "объединения" (зачерпнул, собрал вместе), потому иногда выступает, как метафора. В жанре китайского авантюрного романа писатели давно создали литературный сленг даому. И слово "ковш" постоянно используется даому, так как символизирует созвездие Большой Медведицы, знаковое в погребальном фэн-шуй. Так, северных даому в "Записка часто называют "северными ковшами" бэйдоу.

(5) Цзя-лама 接洽, - значение этого сленгового выражения сложно перевести дословно. Цзя — поддерживать со всех сторон, поддерживать тайно. Почему для сленга выбрали слово "лама" — тоже трудно объяснить. Скорее всего, это связано с немногословностью монахов, которая требуется и от организаторов криминального бизнеса. Самый близкий по смыслу перевод цзя-ламы — посредник. Но позже появится еще несколько типов криминальных посредников. Поэтому в переводе будет использоваться оригинальное звучание этих терминов.

(6) Большая двойка D, 牌D - разновидность известной китайской карточной игры "Большая двойка" или японской дайфуго, чем-то напоминающей покер.

(7) 第一关, «Первая застава в Поднебесной» - это знаменитое название древнего исторического

города Шаньхайгуань. Как мощная застава, которая обладала ключевой позицией, Шаньхайгуань являлся также узловым пунктом сообщения между севером и северо-востоком Китая. В древности люди называли его «несравнимым ключевым постом двух столиц, первой заставой Великой стены». Во-первых, он является самой крайней заставой восточной части Великой китайской стены. Во-вторых, город защищен горами и омывается морем, что давало ему возможность держать ключевую позицию и быть неприступным.

(8) Канун Праздника весны. Китайский новый год, который после 1911 года в дословном переводе называется Праздник весны (春节), с давних времен является главным и самым продолжительным праздником в Китае и других странах Восточной Азии. На этот период приходится сезон путешествий китайцев, который называется Чунъюнь (春运). Хотя это и называется туристическим сезоном, но на самом деле китайцы просто стараются в это время вернуться домой, соблюдая традицию воссоединения семьи в новом году.

(9) "Цзя-лама сломался и сдал куай-цзы". Дословный перевод этой фразы для непосвященного звучит, как полный бред "цзя-лама сломал и сдал палочки для еды. На самом деле куай-цзы (筷子) — это название человека, который руководит организацией ограбления могил. В данном случае куай-цзы — это третий дядя, которого сдал правоохранительным органам брат Чу. Среди куай-цзы есть своя иерархия: текуайцзы (железные палочки для еды) — главарь, самый главный, авторитет, куайцзы-тоу — подручный текуайцзы.

(10) Девять драконов, несущие Ши, 九子龙—дословно переводится "девять драконов, несущие мертвеца". Однако, у иероглифа 子 есть особое значение, которое применяется только в ритуальных похоронных обрядах: лицо, представляющее умершего предка во время жертвоприношения; изображение предка (божества); ритуальная статуя; икона. Это значение было выделено в период Чжоу. Сначала это был человек, приносимый в жертву, чтобы сопровождать умершего. В более поздние периоды человека стали заменять изображениями и скульптурами. В таком контексте перевод будет звучать "девять драконов, несущие господина", однако, в русском языке слово "господин" не передает значение иероглифа полностью.

ГЛАВА 10. ДЕРЕВНЯ ИНШАНЬ

И так проблем выше крыши, а тут еще и старикан отругал, как последних малолеток. Настроение упало ниже некуда. "Господин, ты ошибаешься, — возмутился Толстяк. — Я понимаю, что ты расстроен, но это не повод срывать на нас зло. Если у третьего господина проблемы с головой, мы-то тут при чем? И как ты можешь винить нас в произошедшем. Я не первый день в бизнесе и могу тебе сказать, что уходить от облавы — дело обычное."

Подумав, что Толстяк слишком много лишнего болтает, я остановил его и подмигнул. Не знаю, какотреагирует на эту отповедь Чэнь Пи. Но вот Паньцзы точно плохо переносит нелестное мнение о третьем дяде. Ему достаточно и этой пары фраз, чтобы обидеться, а если продолжать в том же духе, драки не избежать.

Толстяк, увидев мое недовольное выражение лица, закрыл рот и закурил. Паньцзы обратился к Чэнь Пи: "До сих пор наши семьи часто пересекались в деле, и никогда не было никаких проблем. Сейчас не время искать виноватых. Вы здесь самый старший и должны делиться своей мудростью, а не перекладывать вину на всех, кто под руку попался. Так вышло, что цзя-лама сдал куай-цзы. Что вы думаете об этом? Мы бы хотели услышать ваше мнение и совет."

Толстяк вытаращил глаза, всем своим видом говоря: зачем мне его слушать? Но я понимал, что у Паньцзы есть причины так вежливо разговаривать с Чэнь Пи, поэтому поспешил обнять Толстяка и успокоить, по-дружески похлопывая по спине.

Чэнь Пи сощурил глаза и внимательно посмотрел на Паньцзы. После долгого молчания он ответил: "Если вы понимаете наши правила, я вам кое-что объясню. На тот рейс, куда мы должны были попасть, путь закрыт. Но у меня есть запасной вариант. Хотите со мной — следуйте без разговоров. Если не верите мне — можете возвращаться домой, удерживать не буду! Одно вам скажу: добраться до места назначения не так-то просто. У Саньсин потому и пришел ко мне, чтобы я, старик, поддержал вас своим советом и опытом. Можете быть уверены, никто в мире, кроме меня, не сможет добраться туда, куда вы направляетесь."

Толстяк усмехнулся: "Ой, старик, только пугать нас не надо! Думаешь, я, Толстяк, мелкий фраер в мамкиной кофте? Говорю тебе, мы луну с неба добудем и черепаху в море поймаем(1) Надо будет, откопаем ночной горшок Нефритового императора и вверх дном перевернем. И что такое твои девять драконов, несущих Ши? Чем они такие особенные и опасные? Зато вот этот парень, — Толстяк указал на меня, — смог набить морду цзунцзы и уйти живым. Знаешь, кто он? Он внук Собачьего императора из Чанша. Когда он был в Шаньдуне..."

Я ущипнул его за руку, пытаюсь остановить, и сказал, с улыбкой обращаясь к Чэнь Пи: "Господин, не слушайте его. Если этот парень что-то говорит, можно верить лишь половине сказанного."

Чэнь Пи быстро взглянул на меня: "Ну правду-то он сказал. Я знаю, что ты — внук Старого Пса У. Я пил байцзю(2) с твоим отцом, когда ты родился, так что можешь называть меня дедушкой."

Старый Пес У — так звали в Чанша моего деда, многие его хорошо знали. И дед часто упоминал Чэнь Пи, рассказывая, что имел с ним дела. Это меня немного успокаивало. Я поспешил кивнуть в ответ, обратившись к Чэнь Пи неформально: "Хорошо, четвертый дедушка."

Он странно улыбнулся, словно не ожидал такое услышать от меня. А Паньцзы посчитал, что сейчас самое время вернуться к обсуждению создавшейся ситуации: "Дедушка Чэнь, что же

нам теперь делать? Должны ли мы сейчас найти место для ночлега или..."

Закончить он не успел, вдалеке послушались один длинный и два коротких гудка автомобиля, и Чэнь Пи перебил его: "Машина прибыла. Ваше дело решить: идете вы дальше со мной в горы или остаетесь. Кто согласен идти, следуйте к машине."

И он уверенно направился прочь, а мы переглянулись. "Этот старик явно готовился заранее и очень тщательно, — пробормотал Паныцзы. — И будь я проклят, но похоже, он предполагал подобные изменения плана. Не удивлюсь, что именно он сдал лысого. Люди, которых послали в Дуньхуа со снаряжением, должно быть, лягут на дно, так что на него можно не рассчитывать. Если так, что действует он очень жестко. Но я должен выполнить то, что просил третий господин. А что будете делать вы — решайте сами." И он уверенно направился следом за Чэнь Пи.

Молчун покосился на нас с Толстяком и, не говоря ни слова, тоже пошел к машине.

В парке остались только мы с Толстяком, в недоумении смотря друг на друга. "Кстати, — спросил он, — что этот старикан говорил о девяти драконах, несущих тело императора Восточной Ся?"

"А мне почем знать!" — отмахнулся я.

Толстяк затушил сигарету, подумал немного и решительно сказал: "Тогда давай догоним его и спросим."

Я рассмеялся, кивнул, и мы отправились за остальными.

Те люди, которых я видел вместе с Чэнь Пи на вокзале, крутились рядом. Видимо, это они организовали новый транспорт: нас поджидал цзефан. Мы забрались в кузов, спрятавшись за горой товарных ящиков, и грузовик выехал из Шаньхайгуаня на провинциальное шоссе, направляясь прямо в Эрдаобайхе(3).

В грузовике было темно, и я проспал всю дорогу до полудня следующего дня. Спать в машине не так удобно, как в поезде, погода здесь холоднее, чем в Ханчжоу, брезент не спасал от ветра, и проснувшись, я не мог унять дрожь от холода.

Чэнь Пи завернулся в армейскую шинель, иногда его лицо казалось усталым, но он не показывал усталости. Я мог только удивляться его стойкости: одной ногой уже в могиле, а держится, как заправский солдат.

По дороге мы обсудили дальнейший маршрут. По информации, которую предоставил брат Чу, из Дуньхуа мы должны были рейсовым автобусом добраться до Эрдаобайхе. Там нас ждал проводник и отправленное братом Чу снаряжение. Далее нам надо было отправиться в деревеньку Лицзыгоу, где нас встретит другой проводник, который даст нам информацию о пункте назначения и проводит туда. А потом уже придется соображать самим, что да как.

Но в Лицзыгоу мы сейчас ехать не можем — если брат Чу арестован, вполне вероятно, он слил весь план, и там нас может ждать засада. Из Эрдаобайхе надо будет ехать, минуя Лицзыгоу. Подумав, мы решили ехать напрямую к месту назначения: дальше есть другие деревни, где можно уточнить информацию и определить маршрут.

Придется обходиться без той информации, которой нас мог снабдить брат Чу о дороге к Небесному дворцу. Конечно, будет намного сложнее, чем планировалось. Нам известно лишь, что Небесный дворец находится в Чанбайшане. Плоскогорье огромно, часть его находится в Северной Корее, поэтому обследовать все просто нереально. Но если мы должны были часть маршрута проделать от Лицзыгоу, значит, пункт назначения должен быть рядом с этой деревней. Найдем другую деревню поблизости, там попробуем найти информацию об древних поселениях или гробницах, имеющихся поблизости и составим новый план.

Как запланировали, мы прибыли в Эрдаобайхе. Четверо подручных Чэнь Пи достали снаряжение. Сначала я был удивлен: вокруг сплошные облавы и засады, а эти люди, не моргнув глазом достали все, что требуется. Прямо волшебники, не иначе. Но, когда я осмотрел это самое снаряжение, почувствовал себя полным дураком. Это что за мусор они принесли? Ни лопат, ни оружия, зато огромное количество упаковок гигиенических прокладок Хушубао(4). Еще там были веревки, обычные инструменты, походная еда, большой мешок перца, тазы для умывания и другие предметы первой необходимости. Ничего необычного, такое ощущение, что мы в туристический поход собрались.

Толстяк ехидно поинтересовался, что происходит? Мы будем оказывать гуманитарную поддержку трудящимся женщинам или что-то в этом роде? Чэнь Пи даже не удосужился объяснить, заявив, что мы все поймем, когда придет время.

Четыре дня спустя мы прибыли в деревню Иншань, от которой до леса, покрывавшего седловину Чанбайшаня, рукой подать. Удивительно, как по этим горным дорогам мы проехали на грузовике без проблем. На некоторых участках серпантина в тридцати сантиметрах от грунтовой дороги начиналась пропасть. Стоило чуть отпустить руль — и от нас остались бы одни ошметки на скалах. Оказалось, нам еще повезло. Местные жители рассказали, что

раньше в этой деревне был пограничный пост, потому сюда проложили хоть такую дорогу. Иначе добираться пришлось бы по снежной целине на санях. Чужакам жители деревни не удивились: сюда иногда заглядывают туристы, путешествующие на автомобилях.

В Эрдаобайхе к нам присоединились три человека четвертого господина. Вел грузовик здоровенный мужик Лу Фэн. С ним в кабине сидел Хуа Хэшан(5), который носил очки, а все его тело было покрыто шрамами от ножа. Третий ехал с нами в кузове, на вид ему лет тридцать, тот еще болтун по имени Е Чэн.

Выйдя из машины, мы засмотрелись на великолепный вид заснеженных гор. Я пытался найти то место, которое видел на картинах в подводной гробнице, но очевидно, отсюда его не видно. И вообще все горы мне казались одинаковыми.

Чэнь Пи сказал, что найти самого дракона легко, а вот определить место гробницы сложнее, потребуется использовать геомантию. Согласно "Похоронным сутрам"(6), на дракона охотились три года, на поиск благоприятного места — десять лет. Процесс был очень долгим и сложным: найти драконью жилу, обнаружить места скопления ци, определить координаты глаза дракона. Но мы уже знаем, что голова дракона находится в горах Чанбайшаня, добравшись туда, сможем определить конкретное расположение гробницы. Проблема заключается в том, как попасть в горы. Чанбайшань — плоскогорье, высота пиков невелика, но тропы тут не хоженные: охота в заповеднике запрещена, сборщиков трав заснеженные вершины не интересуют. Проводника найти будет трудно.

В деревне не было гостевого дома, где можно остановиться. Пришлось зайти в сельком и попросить о помощи секретаря деревенского парткома. Он с энтузиазмом нашел нам временно пустовавший деревянный домик, который обычно использовали егеря, когда делали обход. Мы заплатили и отправились обустраиваться, планируя провести в деревне несколько дней. Нам удалось найти лошадей, сложнее было с проводником. После долгих поисков нашелся бывший корейский солдат Шуныцзы, готовый сопровождать нас.

Новый проводник рассказал нам, что обычно люди не поднимаются в горы, когда там лежит снег. Ветер в этом районе переменчивый, тропы заметает каждый день, чтобы подняться, надо прокладывать новые. Изредка туда заходят военные для патрулирования. Он может провести нас, но, когда пересечем снеговую линию(7), нам придется слушаться его беспрекословно.

Мы были согласны, договорились о цене и занялись подготовкой. Шуныцзы попросил прикупить кое-что из снаряжения, а затем мы отправились в горы: вереница из девяти человек и четырнадцати лошадей медленно углублялась в лес у подножья гор.

Пейзажи Чанбайшаня прекрасны. Даже зимой тут не преобладает лишь белый цвет. Когда

оказываешься на высоте, уже нет времени любоваться, все мысли и усилия направлены на то, чтобы не сорваться. Но пока мы еще были внизу, могли восторгаться величием неба, куда устремляются горные вершины, переливаясь разными оттенками в свете солнца.

Чанбайшань — это вулканическое плоскогорье с большим количеством горячих источников и небольших озер. В четырех часах пути от деревни Иншань расположено озеро Агайси, что по-корейски означает "Девичье озеро". Туда часто заходят лесорубы. Вода там похожа на зеркало, на нем нет ни следа ряби, и в этом холодном зеркале отражаются величественные вершины Чанбайшаня.

Чтобы Шуныцзы ничего не заподозрил, мы прикинулись туристами, наделали кучу снимков на фоне озера и лишь потом отправились дальше. Довольно быстро мы добрались до подножья горного хребта. Чем дальше шли, тем круче становился склон. Через какое-то время идти стало совсем трудно: крутизна склона приближалась к шестидесяти градусам, деревья же росли вертикально к подножью. Каждый шаг давался с трудом. Шуныцзы сообщил, что чуть выше по склону будет заброшенная пограничная застава. Сейчас там никого нет, и мы можем переночевать, а завтра уже пересечь снеговую линию.

Озеро Агайси оказалось далеко внизу и сейчас напоминало огромный бассейн, окруженный лесом. И в этот момент мы заметили, что у берега озера появилась вереница людей. Не надо было приглядываться, чтобы понять: их гораздо больше, чем нас.

Удивляясь, кто бы это мог быть, Толстяк достал бинокль, посмотрел вниз, затем протянул его мне со словами: "У нас проблемы."

Примечание переводчика

(1) "Черепашу в море поймал" — идиома, обозначающая "можем сделать невозможное возможным".

(2) Байцзю, 白蒸 — традиционный китайский алкогольный напиток, аналогичный русской водке.

(3) Эрдаобайхе, 额尔古纳 — город у подножия гор Чанбайшань, откуда обычно отправляются туристические группы в заповедник.

(4) Хушубао — известный в Китае бренд средств индивидуальной гигиены.

(5) Хуа Хэшан — возможно, это не имя, а прозвище "монах Хуа" (花和尚)

(6) Похоронные сутры, 经 - похоронный канон, похоронная книга, книга захоронений. Первое, что приходит на ум — классическая "Книга захоронений" Го Пу, которая опирается на гораздо более ранний текст, принадлежащий перу Мастера Синего Ворона, и что, возможно, некоторые принципы, описанные в "Книге", опираются на устные или письменные традиции. В "Записках" довольно часто встречаются цитаты именно оттуда. Самые первые упоминания о "Книге захоронений" встречаются не раньше династии Тан (IX век). Возможно, так же, что это часть "Да цзан цзин", китайская Трипитака, начало создания которой датируется II в. н.э. Это может быть также конфуцианская "Книга ритуалов" (И Ли), датируемая эпохой Чжоу.

(7) Снеговая линия — уровень земной поверхности, выше которого накопление твёрдых атмосферных осадков преобладает над их таянием и испарением.

ГЛАВА 11. ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Подъехав на лошади к Толстяку, я посмотрел в указанном направлении и сквозь редкие деревья увидел, что внизу у озера суетятся человек тридцать. Лошадей я насчитал около полусотни. Прямо целый кавалерийский полк.

Эти люди ставили палатки на берегу, вероятно, готовились к ночевке. Один из них настраивал портативную радиостанцию. Руководила всем женщина. Присмотревшись в бинокль, я узнал ее: это была не кто иная, как А Нин, с которой нам довелось работать в Хайнанае.

Вот же зараза! Эта женщина тоже пришла сюда, значит, наши выводы верны. Третий дядя пытался задержать именно ее группу. Вот только ума не приложу, что компания по подъему затонувших судов делает в горах.

Хуа Хэшан, увидев вереницу лошадей внизу, переменялся в лице и тихо спросил Чэнь Пи, что теперь делать.

Старик покосился на него, презрительно улыбнулся и сказал: "Это хорошо. Значит, мы не ошиблись с маршрутом. Продолжаем идти вперед, а эти пусть вас не беспокоят."

Я снова посмотрел в бинокль в надежде найти третьего дядю, но его нигде не было. Если он попал к ним в руки, то маловероятно, что ему позволят свободно разгуливать на свободе, скорее всего его держат в одной из палаток.

Больше всего меня беспокоило вооружение этой группы: я насчитал пять или шесть видов

винтовок, кроме этого, у всех были спутниковые телефоны и много другого продвинутого оборудования. Толстяк, оценив всю эту амуницию, возмущенно обратился к Чэнь Пи: "Господин, вот отчего оружие не купили-то? Сами видите, наши конкуренты неплохо вооружены. И как нам с ними справиться, если придется столкнуться? Будем тазами вместо щитов закрываться и подожжем прокладки, чтобы дымом отпугнуть?"

Чэнь Пи взглянул на него и отмахнулся, улыбаясь: "В нашем бизнесе главное — не количество людей и оружие. Ты все поймешь, если последуешь за мной, но лишь после того, как пересечем снеговую линию."

Мы все время старались говорить на местном диалекте, потому что наш проводник плохо понимал пунтухуа. И сейчас тоже: нас не заботило, что он может подслушать. Он же много лет был проводником и прекрасно знает, что подслушивать не хорошо, а если уж и услышал что-то, то язык за зубами держать надо, иначе и головы можно лишиться.

Продолжив восхождение, мы скоро увидели перед собой полуразрушенные деревянные дома и литые ворота с лозунгом "Территория Родины священна и неприкосновенна."

Шуньцзы сказал, что тут была станция снабжения, обслуживающая пограничные заставы выше снеговой линии. Но после очередных переговоров с Северной Кореей несколько постов были перенесены, другие вообще закрыты(1) и это место, а также заставы за снеговой линией пустовали. Теперь у нас была возможность лично убедиться в открытости границы.

Этой ночью нам было не до разговоров: надо как следует выспаться и встать пораньше, чтобы опередить наших конкурентов. Шуньцзы считал нас слишком странными, мало кто из его клиентов был так легок на подъем, но вопросов он не задавал, все-таки мы ему хорошо заплатили.

Утром, когда мы встали, погода испортилась: сильно похолодало и пошел снег. Для южан такой климат слишком жесткий. За исключением Толстяка и Е Чэна, все сильно мерзли и не могли согреться, даже двигаясь.

Приблизившись к снеговой линии, мы, наконец, увидели плотный снежный покров на земле. Сначала он был неглубоким и с проталинами, но по мере подъема толщина снега становилась все больше. Лес постепенно редел, зато чаще на дороге стали попадаться камни. Чэнь Пи сказал, что это следы строительства прошлых лет.

К полудню все вокруг стало белым-бело, мы уже проваливались в снег по колено. Шуньцзы вел впереди лошадь, чтобы расчистить тропу. Внезапно подул сильный ветер, проводник

посмотрел на небо и предложил: "Давайте сегодня дальше не пойдем: ветер будет только крепчать, в таких условиях подниматься будет опасно."

Чэнь Пи был недоволен, но махнул рукой, соглашаясь. Мы остановились на привал, перекусили сухим пайком. Некоторые прошли чуть вперед, чтобы осмотреться на местности.

Сейчас мы находились на гребне невысокой горы, отсюда можно было видеть тот лес, по которому мы шли сюда. Чэнь Пи взгляделся и указал нам на выделяющееся среди леса место, где деревья, казалось, росли ниже: "В древности строительный материал для гробниц старались брать поблизости. Видите, та часть леса похожа на старую вырубку. Наверное, сделали ее лет сто назад. К тому же, несмотря на сложности восхождения, тут нет серьезных препятствий вроде поваленных деревьев и каменных завалов. Значит, тут все было расчищено давным давно. Думаю, мы движемся в правильном направлении."

"Наставник, — обратился к нему Е Чэн с вопросом, — этот хребет насчитывает больше дюжины горных вершин. Путь к ним начинается отсюда. Как мы найдем нужную гору?"

"Будем внимательны по дороге, — ответил Чэнь Пи. — Главное, найти голову дракона. Там, где закончится драконья жила, будет логово дракона(2). Вершин тут и правда много, но драконова жила всего одна, если пойдем по ней — не должны ошибиться. В крайнем случае мне просто потребуется чуть больше времени, чтобы найти нужное место."

Проследив за взглядом Чэнь Пи, я увидел лишь верхушки деревьев, но самую старую вырубку так и не разглядел. Мне стало стыдно.

Я хотел спросить Молчуна, но когда обернулся к нему, заметил, что он смотрит в другую сторону, на заснеженную гору перед ним, взгляд был угрюмым, брови слегка сошлись на переносице, словно что-то его беспокоило. Я понял, что сейчас с ним бесполезно разговаривать. К тому же, игнорируя меня, он тут же направился к Толстяку, собираясь о чем-то побеседовать с ним.

Шуныцзы, услышав, что мы все равно собираемся идти вперед, лишь вздохнул, покачал головой и сказал, что дальше верхом двигаться уже нельзя, лошади могут только сани тащить, а люди — в санях или пешком. Плоскогорье Чанбайшань — удобное место для передвижения зимой, если только нет метели. Лошади, запряженные в сани, пройдут практически везде. Но если подует ветер и начнется метель, мы должны прислушаться к мнению проводника и остановиться. И возражений он не принимает.

Мы все согласно кивнули, сняли поклажу с лошадей, положили ее на сани, сами залезли туда же. Все были готовы отправляться, проводник, держа в руке хлыст, указал направление, и

лошади сразу же последовали за ним.

Поначалу езда в санях показалась мне даже комфортной, я уже как-то ездил в собачьих упряжках, почти то же самое. Но через некоторое время я начал замерзать, что вполне естественно: ветер был пронизывающий и холодный, а в санях приходилось сидеть неподвижно. Ноги, казалось, настолько заledenели, что стукни ими друг о друга — рассыплются осколками.

Да и дорога постепенно становилась не такой ровной. Толстяк несколько раз умудрился вывалиться в снег. Приходилось останавливаться и ждать, пока он нас нагонит.

Мы ехали до тех пор, пока небо не стало совсем серым. Ветер усилился, и лошади шли все медленнее и медленнее. Пришлось надеть защитные очки, чтобы смотреть вперед, не щурясь от снега. Невозможно было понять, откуда летит этот снег: с неба или с соседней горы. Ветер свистел в ушах, а стоило открыть рот, как потоки воздуха проникали чуть ли не в глубину легких. Как сказал Толстяк, в такую погоду слова проклятья замерзают прямо в глотке.

Вдруг лошадь Шуныцзы, идущая впереди, остановилась. Я почувствовал смутное беспокойство: было всего два часа дня, а небо стало таким темным, словно сейчас сумерки. Подойдя к Шуныцзы, я заметил, как он хмурится.

На вопрос, что происходит, он недовольно ответил: "Ветер слишком сильный. И, кажется, здесь недавно сошла лавина: форма рельефа другая, я вокруг ничего не узнаю. Кроме того, вперед идти опасно. Снег выше по склону рыхлый и слишком глубокий, лошади увязнут по самую шею. Да и не пойдут они вперед. А еще под таким снегом бывают воздушные ямы, в которые легко провалиться, но очень трудно выбраться. Мы не можем идти дальше одной группой."

"И что же делать? — Паньцзы с тревогой посмотрел на небо. — Погода, и правда, оставляет желать лучшего. Может, нам вернуться?"

"Не уверен, — ответил Шуныцзы, оглядываясь. — Но если уж подул сильный ветер, то в этих местах метель может продолжаться дня два, не меньше. Сейчас мы практически в тупике. От станции снабжения ушли слишком далеко. Думаю, возвращаться уже поздно. А вот до пограничного поста осталось всего ничего. Если доберемся — сможем там переждать метель. Надо идти."

Толстяк опустил уши своей фетровой шапки и сделал неуверенный шаг вперед — и тут же провалился в снег по пояс. С трудом выбравшись, он смачно выругался: "Флаг мне в руку, ветер в спину и три пера бабушке в лысый череп! Это предки меня так за грехи мои карают!"

Надев снегоступы, мы шли против ветра и помогали лошадям тащить сани. Сейчас мы находились между двух хребтов в низине, которая хорошо продувалась со всех сторон. Не удивлюсь, если при таком ветре нас накроет лавиной. Шуныцзы сказал, что до пограничного поста около часа пути, но мы уже давно брели по снежной целине. То ли это мы такие медленные, то ли проводник с дорогой ошибся, но уже около шести часов вечера, а в поле зрения никаких постов нет.

Шуныцзы озирался обеспокоенно, не понимая, в чем дело. Остановившись, он получше осмотрелся и воскликнул: "Все кончено, я знаю, где этот пост!"

Мы подошли поближе, его лицо было перекошено: "Как я не понял! Тут сошла небольшая лавина, но этого оказалось достаточно, чтобы полностью засыпать пограничный пост. Он прямо тут, у нас под ногами. Неудивительно, что мы тут давно кругами ходим!"

Паныцзы вздохнул и пробормотал что-то вроде: "Остановите землю, я сойду на хрен!"

"И что нам, конь ты педальный, теперь делать? — заорал Толстяк, перекрикивая ветер. — Лошади дальше идти не смогут. Мы тут умереть должны, что ли?"

"Есть еще одна, последняя надежда, — Шуныцзы указал на гору. — Я помню, что поблизости должен быть горячий источник. Он находится в горном мешке(3). Температура воды в этом источнике очень высокая, и там должно быть тепло. Если сумеем туда добраться, то сможем переждать метель, еды у нас хватит. Насколько я помню, горный мешок расположен немного выше подножья горы, и вход в него не должно засыпать снегом. Но если мы его не найдем, то остается лишь одно: спускаться вниз и надеяться, что наша воля к жизни сильнее этой метели."

"Так ты еще и не уверен?" — рывкнул Толстяк, переставая доверять проводнику.

Шуныцзы покорно кивнул: "Да, я человек и могу ошибаться. Если не сможем найти вход в горный мешок, можете вычесть это из моей оплаты."

Вот уж действительно, дубина стоеросовая, вычтем из его оплаты... в следующей жизни, что ли?

Но что толку возмущаться? Сбравшись с силами, мы медленно побрели следом за Шуныцзы. Небо темнело быстро, проводник связал нас всех веревкой, чтобы не потерялись в снежном вечернем сумраке. Мы даже перекликаться не могли, все звуки заглушал шум ветра. Только цепляясь за общую веревку можно было не потеряться.

Стекла моих защитных очков постоянно залепляло снегом, я не видел людей ни спереди, ни сзади, лишь цеплялся за спасительную веревку, иногда присаживаясь на корточки, чтобы передохнуть. Не ошибся ли Шуныцзы? Не умрем ли мы все тут?

Однако, наш проводник темпа не сбавлял, подтягивая за собой держащихся за веревку людей. Я не мог его видеть, но рывки веревки чувствовал. Должно быть, он привык к таким испытаниям и чувствует себя чуток получше, чем все мы.

Успокаивая себя, я продолжал с трудом двигаться вперед, когда вдруг увидел перед собой черную бредущую тень. Кто это, разглядеть я не мог. Сделав еще несколько шагов, тень наклонилась, словно хотела присесть, потом упала. Я собрал все силы и бросился вперед — это был Шуныцзы.

Из метели позади меня вынырнул Молчун и помог проводнику встать, но идти тот уже не мог. Мы подхватили его под руки и потащили вперед, не забывая натягивать веревку, чтобы другие не отстали.

Когда до нас добрался Толстяк и увидел состояние Шуныцзы, его лицо перекопилось от гнева: "Да что это за проводник такой? То с дорогой не разобрался, то в обморок падает раньше нас. И что нам теперь делать?" Он бы ругался и дальше, но ветер не давал говорить, унося все звуки вместе с летящим снегом.

Я огляделся. Боги! Ситуация совсем вышла из-под контроля. Завеса снега была такой плотной, что на расстоянии метра ничего нельзя было рассмотреть. Ветер швырял снег о скалы вокруг, закручивая его ледяными вихрями, не дающими даже голову поднять. Наши следы уже занесло, в этой метели мы были полностью дезориентированы и не знали, где юг, восток, запад или север. У всех ни кровинки в лицах не было. Чэнь Пи с трудом открывал глаза, кажется, он был почти без сознания. Даже если бы Шуныцзы продолжал нас вести, этот старик долго не подержался бы.

"Нельзя останавливаться, — сказал подошедший к нам Паныцзы. — Если остановимся, то точно умрем. Горячий источник должен быть поблизости. Если свяжемся веревками и разойдемся на поиски, можем обыскать местность вокруг. Кто найдет вход, подаст сигнал, натягивая веревку."

Мы последовали его совету. Понятия не имею, в какую сторону я брел, периодически теряя сознание, падал в снег, чувствуя, как немеет все тело.

Я видел много фильмов, в которых герои умирали в снегу, просто засыпая. Говорят, что от холода сильно хочется спать. Теперь я это испытал на собственной шкуре. Отчаянно

напоминая себе, что надо двигаться, что стоять на месте нельзя, я пытался идти. Но с каждым шагом становилось все труднее, веки сами собой закрывались, словно налитые свинцом.

И когда совсем стало невмоготу, я услышал крик Толстяка. Ветер был слишком сильным, но ему удалось перекричать его шум. Правда, слов я не расслышал. Оглянувшись, я заметил его тень сквозь снежную завесу. И эта тень сразу исчезла. Молчун, бывший между нами, обернулся в сторону пропавшего Толстяка, оценил ситуацию и закричал: "Веревку отвязывай! Он провалился в снежную яму!"

Но ничего сделать мы не успели. Сначала провалился снег под ногами Молчуна, и он пропал из моего поля зрения. Веревка, привязанная к моему поясу натянулась, потянула за собой. Мы падали вслед за тяжелым Толстяком, нанизанные на веревку, словно виноградины на грозди. Не просто падали — катились, как санки с горки, не понятно куда. Этот сумасшедший полет длился недолго.

Когда я остановился, то не сразу смог открыть глаза: несмотря на защитные очки их залепило снегом. Откуда-то сверху послышался голос Паньцзы, который велел всем не двигаться. Он собирался обрезать веревку и спуститься к нам на помощь.

В этот момент я услышал, как Е Чэн закричал: "Подожди, подожди! Бля! Не спускайся. Посмотри, что там за хрень в снегу?"»

Примечания переводчика

(1) "После очередных переговоров с Северной Кореей несколько постов были перенесены, другие вообще закрыты". Граница между Китаем и Северной Кореей достаточно специфична: нет ни постоянных патрулей, ни пограничной полосы. В принципе перейти эту границу достаточно просто было даже в прошлом веке. Это связано с тем, что в приграничных районах Китая проживает много этнических корейцев, которые имеют родню на другой стороне и периодически ходят в гости друг к другу. Причем, с такой же периодичностью, в зависимости от экономической и политической ситуации в обоих странах случаются массовые перебежки населения туда-обратно. Так во времена Мао Дзедунa в Корею ушло несколько сотне тысяч этнических корейцев, которых хорошо приняли на родине, а в 80-е годы началась обратная миграция. Особенно хорошо развита полузаконная торговля через границу (так называемые челноки). На данный момент граница больше охраняется со стороны КНДР, простым гражданам на другую сторону не перебраться. Но зато большее количество северных корейцев стало получать официальное право (загран.паспорта и визы), чтобы съездить в Китай.

(2) Логово дракона — еще один термин погребального фэн-шуй, гора, где скрещиваются драконовы жилы или заканчивается одна конкретная жила, место пригодное под могилу. Как

правило, головой дракона является какая-то вершина, логовом дракона будет конкретное место на этой вершине, чаще всего пещера.

(3) Горный мешок или горная сумка — тип каньона, вершины которого почти сходятся между собой, практически образуя потолок с небольшой щелью. Иногда так называют пещеры с выходом на своде.

ГЛАВА 12. СТОНОГИЙ ДРАКОН

Все еще не понимая, где нахожусь, я стряхнул снег с лица. Слушая крики Е Чэна, я заерзал и почувствовал, что мне в спину врезается острый камень.

Машинально я посмотрел в ту сторону, куда указывал испуганный Е Чэн. Сейчас мы все оказались на отвесном каменном склоне, в пяти-шести метрах от поверхности. От дальнейшего падения нас спасала веревка, зацепившаяся за скальный выступ. Весь склон был усыпан снегом и камнями, свалившимися вместе с нами. И из-под упавшего снега торчали несколько больших черных когтей.

У меня перехватило дыхание, и я инстинктивно вжался спиной в камень, глядя на эту когтистую лапу. Сугроб, образовавшийся из упавшего снега, был большой, но гораздо меньше черных когтистых пальцев, покрытых чешуей. Эта лапа напоминала огромный ковш экскаватора. Ниже торчали другие лапы, некоторые почти полностью укрыты снегом. Сначала я подумал, что это гигантская змея, зимующая в пещере, но присмотревшись, понял, что она больше похожа на многоножку.

Это создание было словно вмуровано в камень, не понятно, живое оно или мертвое. Я не мог разглядеть ни головы, ни хвоста, сложно было определить длину туловища. Удивительно, что здесь оказалось нечто подобное: выше снеговой линии встречается очень мало живых существ, тем более членистоногих и змей. Что это за существо? Глядя на размер когтей и их количество, я чувствовал себя очень неудобно.

Паньцзы продолжал настаивать на том, что надо спуститься, а Е Чэн не прекращал истерично кричать. Толстяк, глядя на него снизу, заграбастал в ладонь комок снега и швырнул в него, тихо ругаясь: "Псина сутулая, чего разорался? Хочешь эту тварюшку разбудить?"

Я огляделся. Это должно быть узкое ущелье, так называемый горный мешок, полностью засыпанный лавинами. Но из-за хаотичного нагромождения камней и скальных выступов снег сходящих лавин ложился не равномерно и плотно, а образовывал снежные ямы. Толстяк попал

в одну из них. Падающий вместе с ним снег и камни, словно цепная реакция, вскрыли и другие снежные ямы, и нас утащило в ущелье. Причем, снег сверху продолжал сыпаться. После обнажения таких снежных ям возникает эффект зыбучего песка: снег и камни будут падать вниз до тех пор, пока не закроют обнажившиеся снежные ямы. В горах этот процесс так же стремителен быстр, как и в пустыне. Многие группы альпинистов погибали в таких снежных ловушках за считанные секунды.

К счастью, то ли снег над нами был не таким рыхлым, то ли мы так хорошо примяли его, когда падали по очереди, связанные веревкой, но нас до сих пор не засыпало полностью. Кроме того, склон закрывал нас от ветра, тут было не так холодно, как наверху. Я смог наконец свободно вздохнуть и спустился чуть ниже. Скала, куда мы упали, была крутой, но сплошь покрыта камнями и выступами. Некоторые выступы были величиной с хороший грузовик, камни разных размеров, от огромных валунов, до маленьких булыжников, не больше теннисного мяча. Благодаря им, по склону можно было передвигаться, используя камни и выступы в качестве ступенек.

Паньцзы и Молчун уже отвязали веревку и спрыгнули вниз, спровоцировав небольшую лавину. Они приземлились на гору снега и откатились к подножью склона. Осторожно двигаясь на цыпочках, они приблизились к черному телу и дотронулись до когтей. Мы все задержали дыхание.

Через несколько минут Молчун и Паньцзы выпрямились, явно успокоившись. Они переглянулись, Паньцзы пожал плечами и сделал знак остальным, что можно спускаться.

Пока я в недоумении соображал, что произошло, Толстяк отвязал веревку и скатился вниз. Молчун смел снег с камней, обнажая стены и резной пол. Оказалось, что когти принадлежали каменному дракону, вырезанному в скале. Он был сделан настолько искусно, что присыпанный снегом выглядел совсем как живой. Казалось, он только что свернулся кольцом, но в любой момент может выпрямиться.

Мы спустились один за другим. Чэнь Пи, рассмотрев дракона поближе, переменялся в лице. Пошатываясь, опираясь на руку Хуа Хэшана, он подошел к скульптуре и коснулся ее.

Этот дракон был особенным, у него было не четыре лапы, как обычно, а гораздо больше, что делало его похожим на многоножку. Очевидно, что эту скульптуру нельзя было соотнести с какой-либо народностью центральных равнин(1). Скорее всего, это творчество одного из кочевых народов, которые представляли дракона именно так.

"Почему этот дракон такой уродливый? — спросил меня Толстяк. — Похож на злобного червяка, выглядит уродливее, чем драконы на стене Запретного города(2). Скульптор был криворукий?"

"Если не знаешь, не говори ерунды, — ответил Хуа Хэшан. — Это не украшение для дворцовых стен, а стоногий дракон. Так изображали драконов в эпоху ранней Восточной Ся(3). Драконы в древнем Китае имели весьма разнообразные формы. У привычных тебе драконов вообще свиной пяточок вместо носа."

Эволюция китайских драконов очень интересна. В ранних мифах и легендах драконы были существами земными и умели только ползать, подобно змее. Грубо говоря, хотите создать дракона — возьмите змею, пришейте ей голову любого другого зверя, и готово. Получался тотем-химера(4). Драконы разных народностей, естественно, отличались. Но постепенно малые народности сливались, смешивались и черты их тотемов. Широко распространившаяся ханьская культура впитала в себя наследие той же Восточной Ся, образ ханьского дракона тоже объединил в себе черты драконов других народов — так возник знакомый нам паньлун(5).

Но этот дракон был удивительным: ему не только голову изменили, но и ног добавили побольше. Химера змеи и сороконожки? Странное сочетание, такое создание не внушает божественный трепет, не кажется могущественным, зато рядом с ним очень неуютно. Членистоногие вообще часто вызывают у людей разные виды фобий. Конечно, сто ног — это удобно, практично, но странно.

Выслушав лекцию Хуа Хэшана, Толстяк улыбнулся: "Брат мой, покрытый шрамами, нельзя ли объяснять все попроще, я же не настолько образован. Получается, эта каменная скульптура относится к эпохе Восточной Ся?"

Хуа Хэшан кивнул, осмотрел резьбу по камню, посмотрел на вершину скалы и задумался: "Да. Но не могу понять, откуда взялся камень, из которого вырезали этого дракона."

К этому времени снаружи совсем стемнело. Мы включили фонари и убрали снег. Камень, в котором был вырезан дракон, представлял собой огромную, почти плоскую плиту высотой метров пять и шириной три метра, прислоненную к склону. Этот черный минерал отличался от скальной породы.

Я пригляделся к краю плиты, где явно были следы разлома: "Возможно, этот дракон упал сверху. Четвертый дедушка прав, место, куда мы направляемся, должно быть на вершине. Заметьте, что форма дракона асимметрична. Так должен выглядеть один из двух драконов, играющих с жемчужиной(6). Где-то должен быть второй дракон, обычно их вырезали симметрично, зеркально, по обе стороны от входа."

Чэнь Пи чуть не задохнулся от возмущения: "Не носи чушь! Нахватался знаний по верхам и строишь из себя мудреца. Это шимень(7), запечатавающий вход в гробницу."

Он указал на пасть дракона. Хуа Хэшан немедленно подошел к ней, засунул внутрь руку и вытянул оттуда черную железную цепь толщиной с запястье. Толстяк, увидев это, воскликнул: "Все, капец котенку! Это драконьи кишки!"

"Это цепь, за которую тянули камень лошади, когда запечатывали гробницу. Вроде бы эта сторона плиты должна быть внутренней."

Я покраснел, поняв, что снова попал впросак со своим мнением: "Я, как всегда, не прав. Но как шимень мог оказаться здесь?"

Хуа Хэшан с силой потянул цепь, но камень с места не сдвинулся. На лице Чэнь Пи появилась тень сомнения. Он покачал головой, глядя на плиту. Я огорченно вздохнул, понимая, что его беспокоит. Если этим камнем запечатали гробницу, то он должен был упасть сверху. Это означает, что путь к гробнице сильно поврежден. Даже если мы найдем вход, то сможем ли туда войти?

Над нашими головами бушевала метель, сверху была тьма кромешная, я посмотрел на часы, гадая, сколько еще продлится непогода.

Обнаружение этого дракона вселяло уверенность в том, что мы сможем найти Небесный дворец, но мы не знали, радоваться нам или печалиться. Хуа Хэшан сделал фотографии, Чэнь Пи постепенно пришел в себя и заявил, что нам надо позаботиться о делах насущных: чтобы хорошенько отдохнуть, надо соорудить укрытие от ветра и снега, и переждать метель.

Мы разобрали снаряжение, Хуа Хэшан занялся пострадавшим проводником. Осмотрев Шуньцзы, он вернулся ко мне и сказал, что его состояние слишком плохое, наш проводник ни на что не реагирует.

Мы уложили Шуньцзы поудобнее, попытались привести его в чувство, похлопывая по щекам, но слышали лишь слабый ответ "да" на вопрос, слышит ли он нас. Судя по его состоянию, это было сильное переохлаждение.

"Надо развести огонь и согреть его, иначе последствия будут необратимыми, — сказал подошедший Паньцзы. — И нельзя давать ему заснуть. Если сейчас уснет, то уже не проснется."

Я огляделся вокруг в поисках топлива для костра. Дров или веток не было, сжечь можно было только сани. Но без них с таким количеством снаряжения мы далеко не уйдем.

Хуа Хэшан посмотрел на Чэнь Пи с неуверенностью, не решаясь самостоятельно принять решение. Лицо старика было странным: то ли хмурился, то ли просто замерз. "Нельзя ему сейчас умирать, — мрачно сказал он. — У меня к нему вопросы накопились."

Вздыхнув с облегчением, я стал разгружать сани. Хуа Хэшан уже готов был выломать деревянные части, но заметил, что они насквозь отсырели от растаявшего снега. Вряд ли ими можно разжечь костер, а просушить негде. И тут я унюхал серу.

Не знаю, откуда шел этот запах. Обернувшись к Хуа Хэшану, я попросил его принюхаться. Остальные тоже попытались найти источник запаха. Толстяк резко вздохнул и сказал: "Товарищи, кажется, это горячий источник!"

Чэнь Пи отправил Е Чэна и Лу Фэна на поиски, Толстяк собрался идти с ними и уже надел рюкзак, когда Паньцзы остановил их. "Ты чего тормозишь?" — пытался возмутиться Толстяк, но Паньцзы кивнул в сторону Молчуна. "Зачем суетиться? Ты забыл, что у нас есть мастер?"

А Молчун в это время, присев, ощупывал своими странными пальцами камни вокруг. Внезапно он нахмурился, что-то хмыкнул и повернулся к стоногому дракону. Мы подошли к нему. Ведь совсем недавно мы стояли тут — и никакого запаха не было, а сейчас он очень сильный. Молчун слегка коснулся головы дракона, заглянул в пасть, надавил на нее и сказал: "Странно. За головой дракона пустота."

Примечания переводчика

(1) Центральные равнины — это историческая область, известная также как Чжунъюань. Именно в рамках этой исторической области и существовал древний Китай. Таким образом, У Се имеет в виду, что каменный дракон не китайского происхождения.

(2) "Драконы на стене Запретного города". Странно, почему Толстяку драконы запретного города не нравятся. Обычные они, в традиционном стиле. Роспись стен Запретного города очень популярна среди туристов, да и сами китайцы часто ходят полюбоваться ею.

(3) Стоногий дракон. Так изображали драконов в эпоху ранней Восточной Ся." Хуа Хэшан подтверждает теорию У Се, что стоногий дракон — произведение не китайских народов, а кочевников. Восточной Ся правили в основном чжурчжени и монголы.

(4) Тотем-химера. Мифические животные (боги) бывают трех типов: антропоморфные (обожествление и очеловечивание животного, неживого предмета или явления), зооморфные (животное с признаками человека, обычно тело человека, голова зверя) и химеры (существо,

имеющее части тела разных животных). Дракон изначально является химерой. Даже европейский дракон — химера ящерицы и млекопитающего, ящерицы и птицы. Так и китайский дракон — химера змеи и любого другого животного.

(5) Паньлун - свернувшийся или спиральный дракон, тело которого обвивается вокруг головы или свернуто по спирали, а фигура больше похожа на геометрический орнамент.

(6) Два дракона, играющие с жемчужиной — симметричный орнамент, обычно изображаемый с двух сторон ворот, дверей или проемов.

(7) Шимень, 石门 — дословно "каменные ворота" или "проход между скалами".

ГЛАВА 13. РАСЩЕЛИНА. ЛАВОВЫЙ ТУННЕЛЬ

Некоторые горы Чанбайшань — это спящие вулканы. Последнее не слишком разрушительное извержение произошло примерно тысячу лет назад.⁽¹⁾ Однако, хоть вулканы и не действующие в настоящее время, геотермальная активность в этом регионе достаточно велика. Застывшая базальтовая лава под воздействием высоких температур снизу трескается, выпуская на поверхность вулканический пар. Возможно, под плитой с драконом как раз образовалась такая трещина, оттуда и исходит запах серы.

Для нас это хорошая новость, ведь геотермальный источник куда более экономичен, чем костер, особенно в нашей ситуации. Но проход к этому источнику преграждает огромная неподъемная каменная плита, которая весит точно не меньше тонны. Даже имея хорошее снаряжение, ее трудно будет поднять.

Из всей команды Толстяк был самым активным и деятельным. Не ожидая приглашения, он, активно жестикулируя, стал подгонять нас, чтобы разобрать завалы возле плиты. Но, после пары валунов люди выбились из сил: лица покраснели от напряжения, одежда промокла от пота насквозь. И это всего пара валунов!

Толстяк тяжело дышал и ругался, на чем свет стоит: "Ничего не выйдет. Я же говорил тебе, старик, что надо было нормальное снаряжение брать. Вот сейчас нам нужна взрывчатка."

В ответ на ругань Толстяка Хуа Хэшан посоветовал: "Когда голова не работает, проще всего нести чушь. Наш наставник бывал в гробницах чаще, чем ты в туалет ходил. Какую тебе взрывчатку сюда надо? Мы на дне ущелья, сверху толстый слой снега. Чуть тряхнет — и нас просто похоронит снежной массой заживо."

Толстяку ответить было нечего. А я в это время заметил множество камней разного размера, торчащих из земли, на которые словно опиралась плита. И меня осенило: "Возможно, и без взрывчатки обойдемся. Дайте, я попробую."

Говоря это, я вынул бучарду(2), подошел к краю плиты с драконом и внимательно осмотрел камни, удерживающие ее. Выбрав самый крупный, я аккуратно вбил его в грунт. Как только камень перестал удерживать плиту, давление ее на остальные увеличилось, послышался характерный треск, остальные камни начали крошиться под тяжестью плиты, ее больше ничто не удерживало на месте. Камень с черным драконом начал скользить вдоль склона.

Мы на всякий случай отошли подальше. Плита соскользнула вниз всего на несколько дюймов, но это позволило нам, наконец, увидеть трещину в скале. Она была не широка, но достаточна, чтобы через нее мог протиснуться человек. Края трещины были изломаны, со множеством острых сколов, изнутри шел сильный запах серы. Это явно не дело рук человека, а естественный процесс.

Толстяк включил фонарь, подошел поближе, чтобы заглянуть в щель, затем обернулся и сказал: "Там очень тепло, но отсюда не получается осветить помещение за щелью. Мне кажется, что там на стенах есть какие-то вырезанные надписи."

"Что там написано?" — спросил я.

Толстяк, прищурившись, пригляделся: "Не могу разобрать."

Он попытался пролезть, но эта трещина была явно ему не по размеру. Извиваясь и так, и этак, он силился протиснуться, но не мог, пока не додумался снять куртку. Только тогда у него получилось проскользнуть внутрь.

Чэнь Пи приказал Е Чэну, Лу Фэну и Паньцзы оставаться снаружи на всякий случай и пошел следом, позвав нас с Молчуном.

Оказавшись внутри, мы поняли, что трещина была результатом древней геологической активности, а расщелина за ней достаточно глубокой и темной, уходящей вглубь горы. И там было не так много свободного места, даже двоим, стоящим бок о бок, было тесновато. Дно усыпано крупными острыми камнями, серой внутри пахло еще сильнее, а воздух был горячим, не ниже тридцати градусов, даже камни нагрелись.

Сделав несколько осторожных шагов, держась руками за стены, мы чуть продвинулись вперед,

когда Толстяк вдруг спросил: "Смотрите сюда, что это за символы?"

Я посмотрел туда, куда указывал он. Иероглифы были вырезаны не на стене, а на камне, валявшемся на дне. Они были мне незнакомы, что-то среднее, между китайским и корейским письмом, вырезаны очень не аккуратно.

Хуа Хэшан наклонился, чтобы посмотреть, и сообщил: "Это чжурчжэньское письмо." (3)

"И что там написано?" — спросил Толстяк.

"Подождите, я не так хорош, — ответил Хуа Хэшан, — быстро перевести не смогу. Запишу пока, потом попробую разобраться."

Мы подождали, пока он перепишет символы к себе в блокнот. Затем Толстяк пошел вперед, а мы — гуськом следом за ним. Хотя на самом деле ходьбой это назвать сложно, приходилось больше использовать руки, чем ноги, пытаясь удержаться за стены или вставать на четвереньки и подтягиваться. Уклон тут был градусов тридцать и никаких ступенек, зато острые камни мешались под ногами. Форма расщелины все время менялась, то сужаясь, то расширяясь, иногда свод оказывался так низко, что приходилось ползти. Единственное, что радовало — тепло. Мы даже вспотели, пришлось расстегивать одежду. Продолжая двигаться, Толстяк спросил: "Наставник, по-вашему случайно ли так получилось, что плита закрывала эту трещину полностью?"

Чэнь Пи ответил: "Все может быть. Обычно при постройке гробниц используются местные природные ресурсы. Здесь много необработанного, но отколотого камня, похоже на каменоломню. Возможно, тогда и обнаружили эту трещину. Но если плитой ее закрыли специально, то я не могу понять — зачем?"

Мы прошли вперед чуть меньше ста метров, запах серы становился все сильнее, а цвет камней вокруг темнел. На поверхности камня все чаще стал попадаться блеск слюды, которая образуется при высокой температуре. Вздохнув, я подумал, что это мог быть лавовый туннель (4). И, если внезапно случится извержение, лава пройдет по этому каналу вверх — в этом случае мы все умрем мгновенно.

Пока я пытался справиться с нахлынувшим ужасом, впереди идущие остановились. В свете их фонарей показался тупик: впереди трещина сужалась, да еще присутствовал завал, оставалась лишь тоненькая щель.

Присев на корточки, я получше осветил все. Похоже, тут произошел небольшой обвал. Не было

уверенности, что я смогу проползти.

Чэнь Пи, глядя на этот узкий проход, тоже сомневался, что пройти удастся. Обсудив ситуацию с остальными, я попросил Хуа Хэшана остаться со своим господином и подождать нас. Мы с Молчуном и Толстяком решили попробовать пролезть и посмотреть, что там дальше.

Пришлось снять почти всю одежду, Молчун пошел первым, затем мы двое, старательно изворачиваясь, пролезли следом.

Я считал, что узкий проход будет небольшим и через несколько метров закончится, тогда мы осмотримся и сможем вернуться. Но, вопреки моим ожиданиям, этот туннель не кончался. Мы все ползли и ползли, а проход шел под уклоном вниз. Это было неожиданно.

Сверху образовались потеки застывшей лавы в виде больших и малых сталактитов. Стоило мне чуть приподняться, как они цеплялись за мою одежду. Дышать тут было трудно: воздух горячий, плохо насыщен кислородом. У Толстяка были такие же проблемы. Он схватил меня за ногу и сказал: "Так не пойдет, тут совсем дышать нечем. Давайте вернемся. Двигаться дальше — это безрассудно."

Я оглянулся назад: места, чтобы развернуться, не было, в обратную сторону пришлось бы ползти задом наперед, а это будет сложно. Мы преодолели достаточно большое расстояние, чтобы возвращаться, да и не хотелось мне отступать, поэтому я предложил: "Давай еще чуток вперед проползем, и, если ничего не изменится, вернемся."

Толстяк собирался ответить, но в это время Молчун что-то спросил.

Не поняв вопроса, я посмотрел вперед, собираясь переспросить, но там никого не было, лишь темный провал.

Примечания переводчика

(1) "Последнее не слишком разрушительное извержение на Чанбайшане произошло примерно тысячу лет назад". На самом деле последнее мощное извержение Пэктусана (самого крупного вулкана на Чанбайшане) произошло примерно 1100 лет назад и считается одним из самых

крупных вулканических событий нашей эры. После этого вулкан не прекратил своей активности, но извержения были слабые, последнее произошло в 1903 году. А в 2012 году ученые местной вулканической обсерватории обнаружили признаки прогрессирующей вулканической активности, что позволяет предположить возможность повторения мощного извержения тысячелетней давности.

(2) Бучарда. В тексте речь идет о молотке для каменотесных работ. Таких существует два вида. Женевский или берлинский, похожий на кирку с одной стороны, и бучарда, закаленная особым способом, имеющая ребристую поверхность с обеих сторон. Учитывая описанные действия У Се, он пользовался именно бучардой, так как женевским молотком вбить в твердый грунт камень не получится.

(3) Чжурчжэньское письмо — письменность, использовавшаяся для записи чжурчжэньского языка в XII—XIII веках. Оно было создано Ваньянь Синем на основе киданьского письма (на самом деле напоминающее корейские иероглифы), которое, в свою очередь, образовано от китайского, дешифровано частично. Входит в китайскую семью письменностей. В чжурчжэньской письменности было около 720 знаков, среди которых есть логограммы (обозначают только значение, не имея отношения к звучанию) и фонограммы. В чжурчжэньском письме также имеется система ключей, аналогичная китайской; знаки сортировали по ключам и количеству черт.

(4) Лавовый тоннель или вулканическая трубка, лавовая трубка — полости в лавовых потоках, вытянутые в виде коридоров. Такие каналы получаются при неравномерном остывании текущей со склонов вулкана лавы. Поверхностные слои лавы из-за контакта с воздухом, который гораздо холоднее самой лавы, остывают быстрее и становятся монолитными, образуя твердую корку. Она создаёт тепловую изоляцию для внутренних слоёв, которые остаются горячими и текучими. В результате ближе к центру лавового туннеля поток лавы ещё идёт, даже когда верхние слои остыли. По мере дальнейшего остывания лавы толщина этой корки увеличивается, замедляя скорость остывания лавы внутри лавового туннеля. И даже когда источник лавы иссякает, содержимое трубки продолжает сползать вниз под уклон, оставляя за собой пустоты, которые и называют лавовыми трубками. Выходя из трубки, лава оставляет за собой открытый проход на одном из её концов.

ГЛАВА 14. РАСЩЕЛИНА. ПЕЩЕРА

С того момента, как я услышал возглас Молчуна, прошло не более пяти секунд. Даже мышь не может в таком тесном пространстве исчезнуть с такой скоростью, а Молчун точно не мышь. Мне стало не по себе, я инстинктивно попятился. Затем все же собрался с духом и пополз вперед, желая увидеть, что случилось. И тут Молчун появился.

Я резко остановился, Толстяк, чуть не врезавшись в меня, отодвинулся назад и спросил: "Что случилось?"

Некоторое время я не мог привести свои мысли и чувства в порядок, а Толстяку ответил: "Ничего... все нормально..."

Было такое впечатление, что Молчун не знал о своем исчезновении. Чуть продвинувшись вперед, он снова что-то буркнул нам и, прибавляя скорость, пополз дальше.

Его исчезновение длилось всего несколько секунд, я четко видел, что он исчез, но сейчас из-за поведения Молчуна моя уверенность поколебалась. Может быть, от недостатка кислорода у меня начались галлюцинации?

Но думать об этом не было времени, Толстяк сзади постоянно подталкивал меня, задевая пятки. Когда я оказался на том месте, где исчез Молчун, то осмотрелся. Но ничего особенного там не было: никаких провалов, трещин, зеркальных поверхностей. И в душе угнездились ощущение: что-то тут не так.

Еще минут десять мы ползли, затем Молчун резко дернулся вперед и словно провалился куда-то. Но не исчез, как только что. Я заметил, что впереди проход стал более свободным, похоже, мы добрались до выхода.

В самом конце прохода было очень много каменного мусора. Мы выбрались следом за Молчуном, который уже успел сломать пару лайтстиков, желтый свет которых освещал место, куда мы попали. Это была достаточно просторная пещера размером с половину баскетбольной площадки, где свободно могли разместиться четыре или пять минивэнов. Дно было усыпано мелким и крупным гравием. Думаю, пещера образовалась в одно время с трещиной(1).

Толстяк увеличил мощность света в фонаре, огляделся и удивленно сказал: "Странно, тут стены разрисованы. Похоже, мы не первые люди в этой пещере."

На потрескавшихся стенах действительно были красочные фрески. Правда, они местами были сильно повреждены, цвета поблекли, а сам рисунок едва можно было разобрать. Похоже, что на одной из них была изображена летающая дева(2), поднимающаяся в небо.

Это уже становится интересным. Вход в расщелину запечатан плитой с драконом, но внутри есть фрески. Что это за место?

Обойдя пещеру, мы обнаружили несколько маленьких кратеров, заполненных горячей водой, неглубоких, но очень горячих, окутанных паром. И никаких следов деятельности человека,

кроме фресок на стенах.

На другой стороне пещера снова сужалась, снова переходя в лавовый туннель, куда с трудом пролезет пара человек. Оттуда шел горячий воздух. Я попробовал рассмотреть, что там, но свет не проникал далеко.

Обсудив увиденное, мы пришли к выводу, что идти дальше нет смысла — тут вполне можно со всеми удобствами переждать метель. Толстяк принялся и решил, что воздух здесь вполне пригодный. Мы включили ветровой фонарь(3), чтобы сэкономить на батареях, а Молчун полез обратно, чтобы сообщить оставшимся снаружи о найденном месте.

Через некоторое время Хуа Хэшан и Е Чэн появились из лавового туннеля, следом Паньцзы втащил Шуныцзы. Я сразу проверил состояние проводника: его лицо порозовело, но руки и ноги до сих пор были ледяными. Надеюсь, он сможет выжить. Шуныцзы старательно выполнял свои обязанности, доведя нас до этого места без потерь. Если мы останемся без проводника, нам будет намного сложнее. Кроме того, он просто был мне симпатичен, я не хочу, чтобы этот человек, ничего общего не имеющий с нашим бизнесом, погиб из-за нас.

Хуа Хэшан проверил его пульс, затем попросил меня отойти. Он смочил полотенце в горячей воде, немного остудил его на камне и начал растирать тело проводника. Делал он это до тех пор, пока кожа на руках и ногах пострадавшего не покраснела. Шуныцзы, не приходя в сознание, закашлялся, его глаза под веками задвигались.

Я вздохнул с облегчением, а Хуа Хэшан сказал: "Отлично. Ты не можешь умереть."

Атмосфера стала менее напряженной, Толстяк и Е Чэн нашли сигареты в рюкзаке и закурили, а Паньцзы помог выбраться из лавового туннеля Чэнь Пи.

Эти испытания вымотали нас до предела, нам было не до разговоров. Каждый нашел себе удобное место, чтобы присесть и отдохнуть.

Наша заснеженная и заледеневшая одежда промокла насквозь, пришлось снять ее и положить сушиться на горячие сухие камни. Е Чэн достал консервную банку и окунул ее в лунку с горячей водой, чтобы разогреть.

Пока все ели, я отправился рассматривать фрески, ко мне присоединился Хуа Хэшан. Совершенно очевидно, что пещера эта была естественной, добраться сюда очень сложно через

лавовый туннель. Кому пришло в голову расписывать здесь стены и зачем? А еще меня до сих пор беспокоил эпизод с исчезновением Молчуна. Все это создавало ощущение какой-то ирреальности.

Людей, занимающихся антиквариатом не могут не заинтересовать древние росписи, из которых можно почерпнуть много важной информации, поэтому остальные постепенно подтянулись к нам.

Однако ничего существенного из этих фресок мы не узнали. Почти везде были нарисованы летающие девы в великолепных дворцах, окруженные ритуальными предметами. Сюжеты в основном касались пения и танцев, никаких интересных или имеющих практическое значение обрядов или действий. Обычно фрески в гробницах более информативны, поэтому я быстро потерял к ним интерес и собирался вернуться на свое место. Хотелось растереть онемевшие пальцы ног. Но тут я услышал, как цыкнул Толстяк и начал большим пальцем соскабливать краску со стены.

Я попросил его не портить историческое достояние. Хотя эти росписи не имеют информационной ценности, но все же это древняя работа, как можно такое уничтожать.

"Что за чушь ты несешь? — возмутился Толстяк. — Старая краска тебя волнует больше моих ногтей, которые я рискую сломать? Я бы не стал рисковать своими ногтями просто так. Сам подойди и посмотри, у этой фрески есть два слоя!"

"Два слоя? — удивился я, нахмурившись. Что это могло означать?

Все столпились вокруг Толстяка, желая рассмотреть то, что обнаружил он. Его пальцы были покрыты слоем сухой красной киновари, а на очищенном участке росписи обнажился рисунок, композиция которого сильно отличалась от остальных. Взор Толстяка действительно острый, как у орла, никто из нас даже не заметил, что фрески двухслойные. Верхний слой был наложен тщательно, словно первый рисунок пытались старательно скрыть. Но в некоторых местах он отставал из-за воздействия влажного горячего воздуха в пещере.

Толстяк продолжал осторожно счищать верхний слой, под которым появлялись гораздо более яркие краски. Я присоединился к нему и понял, почему цвета нижнего слоя оказались такими насыщенными. Верхняя роспись защищала нижнюю от внешних воздействий, как лак, поэтому сохранность нижнего слоя была намного лучше, роспись не выцвела и не отслаивалась.

Чэнь Пи хмурился, рассматривая рисунок. Вскоре мы расчистили довольно большой кусок, размером с таз для умывания, где была изображена повозка, словно плывущая над облаками. Управляла этой повозкой женщина в монгольской одежде, там же сидел толстый человек, его

одежда была мне незнакома. Это уже не просто танцующие красавицы, а повествовательное изображение, я был заинтригован.

Очевидно, кто-то сначала нарисовал сюжетную фреску, но по какой-то причине решил ее скрыть. Причем, делал это в спешке, так как верхняя роспись казалась какой-то незавершенной.

Чэнь Пи, осмотрев очищенную часть, огляделся и сказал: "Это... кажется, этот сюжет имеет какое-то отношение к Небесному дворцу. Очистите всю стену, чтобы понять содержание фрески."

Его просьба была излишней, я уже горел желанием поскорее увидеть то, что было скрыто под старой краской, и вместе с другими решил пожертвовать собственными ногтями.

Работа спорилась, и постепенно перед нашим взором возник красочный и величественный сюжет...

Примечания переводчика

(1) "Пещера образовалась в одно время с трещиной." Если речь идет о лавовом туннеле, то эта пещера, скорее всего, является ее частью. Если при формировании лавового туннеля на пути лавы попадает более прочная порода, то лава какое-то время скапливается и расширяется до тех пор, пока не расплавит себе трубку дальше. На месте такого расширения впоследствии образуются лавовые пещеры.

(2) Летающая дева — искусствоведческий обобщающий термин, которым описывают таких мифических существ, как Сяньнью («бессмертная дева», «святая дева»), Шэньнью («божественная дева»), Юинью («нефритовая дева»), Тяньнью («небесная дева») и другие.

(3) Ветровой фонарь, 风灯 перевод дословный. Скорее всего, речь идет о портативном варианте ветрогенераторных автономных осветительных систем (АОС). Для некоторых моделей не обязательно даже наличие сильного ветра для создания электричества, достаточно незначительного дуновения. В тех условиях, где оказались герои, такое движение будет в области перехода пещеры в лавовую трубку, из которой, по словам У Се "шел горячий воздух".

ГЛАВА 15. ДВА СЛОЯ ФРЕСКИ

Вокруг повисла гнетущая тишина. Я приподнял ветровой фонарь, чтобы получше осветить стену. Тусклый свет отразился от камня, создавая непередаваемое ощущение таинственности и погружения в древний мир.

Цвета фрески были очень яркими, среди них преобладала кроваво-красная киноварь, блики отраженного света создавали эффект сочащейся крови. Я понимал, что верхний слой способствовал сохранности фрески, но это все равно казалось невероятным.

Больше всего поражал сюжет картины, его трудно описать словами. Вся фреска состояла из двух частей, содержание которых было различным. Однако, только рассматривая их вместе, можно было составить цельную картину, прекрасную в своей лаконичности и законченности.

Хуа Хэшан выглядел взволнованным: "Должно быть, тут изображено поле боя между войсками императора Ваньну Восточного Ся и монголами(1). Вот это, должно быть, сам Ваньну. Если верить легендам, то именно эта битва привела к уничтожению Восточного Ся.(2)"

Я мало знаком с историей Восточного Ся, но остальные, кажется, вообще ничего не знали, потому молча внимательно слушали объяснения.

Хуа Хэшан рассмотрел рисунок со всех сторон и, удивленно воскликнув, указал на скопление солдат в мехах и доспехах: "Полагаю, это армия Ваньну, — затем он ткнул пальцем в другую группу, — а это монгольская армия. Как видите, монголов в несколько раз больше. Это была сокрушительная битва."

Следя за его рукой, я увидел нарисованную тучу летящих стрел. Толстяк же заметил совсем другое: "А почему лица воинов Восточного Ся похожи на женские?"

Мне это тоже показалось странным, не может быть, чтобы в Восточном Ся использовали женщин в армии? Неужели они оказались на грани вымирания, раз брали на битвы всех подряд? Но Хуа Хэшан объяснил: "Нет, это не женские лица, такова особенность фресок Восточного Ся. Люди на рисунках выглядели очень утонченными и изящными. В некоторых исторических источниках я встречал упоминания о том, что никто не видел стариков из Восточного Ся, все выходцы из этого государства были молоды. В корейских источниках рассказывалось, что воины Восточного Ся были прекрасны лицом даже после смерти."

Толстяк нахмурился, словно пытался понять, почему так происходило, я же чувствовал, что это

может иметь отношение к некоторым самобытным традициям малых народов, где не принято было показывать своих стариков гостям и чужеземцам. Но меня это не заинтересовало, я просто продолжал рассматривать роспись.

Хуа Хэшан указал на другую часть фрески: "А здесь описывается сама битва. Видите, воинов Восточного Ся практически засыпали стрелами, на одного воина приходится три монгола. Это похоже на бойню."

Теперь понятно, почему на фреске в основном использована красная киноварь: так художник пытался выразить жестокость нарисованной битвы. И ему это очень хорошо удалось, я словно видел своими глазами, как воины Восточного Ся рядами падают, пораженные стрелами, и остаются лежать в лужах крови, а монгольская конница наступает, втоптывая тела в грязь, сжигая дома, уничтожая мирное население.

Третью часть фрески закрывал валун, мы не могли удалить верхний слой, но, думаю, там был изображен финал, исход этой кровопролитной битвы.

Чувствуя недоумение, я перебил Хуа Хэшана: "Разве Восточное Ся не было полностью разрушено? Насколько я помню, это государство просуществовало чуть более семидесяти лет(3) и все это время они вели непрерывные войны. Как народ такой маленькой страны в состоянии перманентной войны мог построить что-то вроде Небесного дворца?"

Мое сомнение поддержали и остальные. Восточное Ся — это последний период существования государства чжурчжэней, когда Золотая Империя переместила свои территории в Цзилин и Хэйлунцзян(4), именно в это время они были уничтожены. Если я правильно помню, император Ваньну даже не имел наследников. Монголы обошли чжурчжэней со стороны Кореи и полностью уничтожили. В те времена монголы были весьма агрессивным и сильным народом, их конница, как саранча, сносила все на своем пути. Если на фреске изображена решающая битва, то, полагаю, после нее не осталось ни одного воина, противостоящего монголам, а весь народ был попросту вырезан под корень. Если учесть, что экономика и промышленные технологии Восточного Ся были далеко не самыми лучшими, этот народ не мог оставить после себя такое монументальное сооружение, как Небесный дворец. Чэнь Пи говорил, что там должен быть похоронен император Восточного Ся. Но это невозможно.

Кроме того, если предположить, что к строительству Небесного дворца приложил руку Ван Цзанхай, получается совсем уж бессмыслица, ведь архитектор жил в конце династии Юань. К тому времени Восточное Ся уже сто лет как не существовало. Зачем бы Ван Цзанхаю строить гробницу для императора Восточного Ся, который умер сто лет назад.

Все присутствующие внимательно смотрели на Чэнь Пи, ожидая объяснений. Казалось, он

отлично понимал ход наших мыслей, но не торопился отвечать. Бегло осмотрев фреску, он обратился к Хуа Хэшану: "Кажется, тут слишком много сомневающихся и непонимающих собралось. Объясни им, что к чему."

Тот согласно кивнул и повернулся к нам: "Понимаю ваши сомнения и спешу вам сообщить, что вы не правы. Большая часть информации о Восточном Ся, на которую вы опираетесь, основана на обрывочных отрывках древних книг и устных легенд. Сами понимаете, такие источники недостоверны. А достоверной информации о Восточном Ся очень мало. Более того, некоторыми историками берется под сомнение сам факт существования этого государства. Поэтому сложно точно утверждать, что правда, а что — ложь."

"Возможно, — ответил ему Толстяк. — Но почему ты считаешь, что именно твои источники достоверны?"

"И верно, я так считаю, — кивнул в ответ Хуа Хэшан. — У нас есть не просто информация, а осязаемое доказательство." Говоря это, он достал из кармана сверток белого шелка и развернул его. Такое ощущение, что сердце мое на мгновение перестало биться. На белом шелке лежала та самая рыбка со змеями вместо бровей, что была выставлена на аукцион!

Как она оказалась у Хуа Хэшана, ведь ее никто не купил? Я нахмурился, поняв, что произошло. Рыбку никто не купил, сейчас она у Чэнь Пи. Это он выставил рыбку на продажу?

Я тряхнул головой, стараясь не показать свое удивление, но в душе царил беспорядок, мысли-вопросы так и метались в голове, оставаясь без ответов. Не понимаю, напугала или взволновала меня эта информация, но руки и ноги мои похолодели, а кровь отлила от лица.

К счастью, Хуа Хэшан не обращал на меня никакого внимания и продолжал свои объяснения: "Эта бронзовая рыбка — странная разновидность дракона. По счастливой случайности она оказалась у нашего господина Чэнь Пи. Я полагаю, сделал ее человек, который хорошо осведомлен об истории Восточного Ся. И эта рыбка является головоломкой, скрывающей письмена."

Он поместил рыбку перед фонарем так, чтобы отраженный от ее чешуек свет падал на стену. Множество маленьких бликов появилось на стене, как на экране проектора. Хуа Хэшан повертел рыбку, и блики на стене стали меняться, превращаясь в иероглифы.

"Секрет спрятан в чешуйках этой фигурки, где скрыты сорок семь иероглифов чжучжэньского письма."

Я чуть не закричал от удивления: неужели такая технология возможна была в древности?

Сжимая ладонью в кармане двух других рыбок, я спросил: "Невероятно... А что там написано?"

"Мне кажется, на этой рыбке информация не полная, кроме того, я не все смог расшифровать, — ответил Хуа Хэшан. — Точно могу сказать одно. Человек, создавший эту рыбку, не хотел, чтобы эти записи были обнаружены. Но из того, что я смог перевести, здесь записана часть неизвестной нам истории Восточного Ся. На самом деле еще до получения этой рыбки я уже предполагал, что государство Восточное Ся существовало гораздо дольше, чем принято считать. После поражения в войне с монголами они ушли далеко в горы. Я очень долго искал сведения об этом. Государство это было очень слабым и выживало между могущественными монголами и алчными правителями Корё(5). Изучая корейские исторические источники доминского периода, я нашел упоминания о странных людях, сборщиках женьшеня, которые изредка спускались с заснеженных гор. Думаю, это могли быть потомки чжурчжэней, народа Восточного Ся."

Указывая на бронзовую рыбку, он продолжал: "Хоть эти записи и не полные, но подтверждают мою теорию. После решающей битвы с монголами, думаю, той самой, что изображена здесь на фреске, оставшиеся в живых люди Восточного Ся отступили к границе между Цзилинем и Кореей и жили там еще как минимум сотню лет. Четырнадцать императоров Монголии и Корё, сменившихся за это время, не оставляли надежд разрушить эту маленькую страну. Но, по странному стечению обстоятельств, им это так и не удалось."

"И что за стечение обстоятельств? — спросил Паньцзы. — Хэшен, ты можешь говорить попроще?"

Хуа Хэшан пожал плечами: "Как умею, так и говорю. Я не знаю причины, по которой могущественные Монголия и Корё оставили Восточное Ся в покое. Информация на этой рыбке неполная, должны быть другие источники. Но, основываясь на том, что есть, точно могу сказать, что Восточное Ся существовало гораздо дольше, чем принято считать. Так что совпадение, объединяющее гробницу Ван Цзанхая и императора Восточного Ся вполне возможно. Мы искали другие источники, но наш господин Чэнь Пи нашел лишь это... А вы знаете, что означают последние иероглифы этого чжурчжэньского письма?"

Откуда нам-то знать?! Мои мысли озвучил Е Чэн: "И что они означают?"

"Там сказано, — с загадочным видом сообщил Хуа Хэшан, — что древние цари всех рабов не являются людьми."

"Не люди? — удивился Толстяк. — Тогда кто?"

Хуа Хэшан, осторожно убирая рыбку, ответил: "Там сказано, что все они — монстры, выползающие из земли."

Что? Мы все в недоумении переглядывались, чувствуя, как волосы встают дыбом, а Е Чэн спросил: "Да быть такого не может! Получается, похороненный в Небесном дворце император — дракон, а не человек?"

"Сначала я думал, что это метафора такая, вроде Дракона, сына Неба(6). Но потом понял, что стиль этой записи не соответствует традиционному, это больше похоже на точные заметки, в которых метафоры неуместны. Да и иероглиф говорит не о драконе, а именно о чудовище. Да и метафоры обычно используются только при обращении в определенных ситуациях, например, при отправлении определенного обряда, в официальных письмах. А при обычном обращении никому в голову не придет называть императора драконом или, тем более, монстром. Вы же никогда не слышали, чтобы придворные обращались на совете "Ваше величество Дракон!" Более того, последнее предложение построено очень лаконично и точно, сложно заподозрить там метафору или аллегорию. Если бы у нас были остальные части этой записи, мы бы смогли понять, в чем смысл этой фразы."

Толстяк и Молчун были в курсе, что обе рыбки у меня, но, видимо, считали предосторожность не лишней и молчали. А я еще сильнее сжал рыбок, мне показалось, что они стали тяжелее и предательски оттягивают карман.

Вообще-то я не знал, зачем мне эти рыбки. Языка я не знаю, прочесть не смогу, для меня эти предметы не имели никакого смысла, кроме декоративного. Но и отдавать почему-то не хотелось.

Паньцзы, разглядывая фреску, что-то бормотал себе под нос. Человек на рисунке мог быть Ваньну, но выглядел он совсем не как чудовище. Толстяк же ободряюще похлопал Хуа Хэшана по плечу: "А нужно ли все расшифровывать? Мы можем по простому, а не по-научному найти гробницу, открыть саркофаг и посмотреть кто там: монстр или человек."

На что Хуа Хэшан с улыбкой ответил: "Иногда лучше заранее знать, с чем имеешь дело."

"Но зачем здесь нарисовали эту фреску? — спросил Толстяк. — Чтобы не забыть ненависть монголов к своей стране и народу?"

Хуа Хэшан покачал головой, показывая, что не знает ответа на этот вопрос. А я, подумав немного, сказал: "Может быть, эту фреску рисовали без особенной цели. Например, люди скрывались тут или отдыхали. И в минуты досуга, а, может быть, чтобы убить время, рисовали. А что? Тут тепло, найти эту пещеру достаточно сложно. Идеальное место, чтобы укрыться от врагов или переждать непогоду."

Спорить со мной никто не стал. Хуа Хэшан стал фотографировать фреску, чтобы потом изучить

получше.

Мы уже восстановили свои силы, настроение было приподнятым. Надо было установить дежурство. Чэнь Пи считал, что двух человек надо отправить наружу, чтобы следить за погодой. Если метель прекратится, они должны подать нам сигнал. А мы будем по очереди спать.

Когда я проснулся, Шуньцзы уже пришел в сознание. Он долго извинялся перед нами. Толстяк отчего-то отказался заботиться о нем, и я дал проводнику еду, сказав, что ему пока надо отдыхать, силы ему еще понадобятся. Ведь без него нам сложно будет идти дальше.

Тут, в пещере, чувство времени быстро пропадало, я понятия не имел, сколько прошло с момента, когда мы пришли сюда, наверно, два-три дня, метель должна уже прекратиться. Наконец, дежурные подали сигнал, и мы один за другим вылезли наружу. Небо было ясным, а чистый снег слепил глаза.

Пока мы отдыхали в лавовой пещере, Чэнь Пи научил нас некоторым навыкам, которые будут полезны в горах. Теперь я знал, зачем он накупил столько гигиенических прокладок. Их можно использовать вместо стелек: материал гигроскопичный, будет хорошо впитывать пот, ноги останутся сухими и в тепле. Мы проверили этот метод — он оказался очень действенным. Но я почувствовал себя неловко, когда представил, как, войдя в древнюю гробницу, сменю эти прокладки в ботинках и выброшу их. А спустя несколько лет другая группа археологов придет туда и обнаружит прокладки на крышке гроба...

Используя веревки, мы поднялись по крутому склону. На снегу было много отпечатков лошадиных копыт. Толстяк присел, рассматривая следы, и сделал вывод: "Группа А Нин, кажется, обогнала нас."

Надев защитные очки, чтобы уберечь глаза от слепящего снега, мы сразу же отправились в путь. Часа через два мы нагнали наших конкурентов. Было похоже, что у них есть потери: мы насчитали всего двадцать человек, и число лошадей уменьшилось вдвое. Третьего дядю я до сих пор так и не увидел.

Стараясь не привлекать внимание, мы наблюдали за ними. Я видел, как А Нин что-то внимательно рассматривает в бинокль. Проследив за направлением, я почувствовал, как у меня от волнения глаз задергался.

Не уверен, снег окружал ту гору или туман. Эта заснеженная вершина выделялась среди других, окружавших ее, как император выделяется среди своих придворных. И именно эту гору

я видел в подводной гробнице на теневых картинах.

"Это точно здесь, — подумал я, а вслух, указывая на гору, спросил Шуньцзы. — Что это за гора? Как нам туда добраться?"

Он посмотрел в ту сторону из-под ладони и заявил: "Вам туда надо? Вы не сможете туда дойти."

Примечания переводчика

(1) Пусянь Ваньну (曷 汗 王) — великий чжурчженский полководец, китайский император. Сюй Лэй использует только второе имя (曷).

(2) В отечественной и зарубежной литературе принято считать, что время существования чжурчженского государства Дун Ся (Восточное Ся) ограничивается рамками 1215-1234 гг. Анализ и перекрёстная датировка археологического материала горных городищ Восточного Ся в Приморье показали, что городища продолжали функционировать длительное время после разгрома монголами империи Цзинь в 1234 г., капитуляции Восточного Ся и казни Пусянь Ваньну. Письменные источники свидетельствуют, что государство Восточное Ся не погибло, а восстановилось после капитуляции, сохранив свою администрацию, продолжавшую по-прежнему управлять территорией. К тому же Восточное Ся по требованию монголов принимало активное участие в военных действиях против Корё весь юаньский период, а сама территория Восточного Ся во время походов монголов в Корею превращалась в проходную дорогу. Так же спорной является информация о казни Ваньну: есть вероятность, что он был только пленен и впоследствии остался вассалом монголов.

(3) "Это государство(Восточное Ся) просуществовало чуть более семидесяти лет." На самом деле исторически период существования Восточного Ся ограничивается всего примерно двадцатью годами. Возможно У Се — сторонник той версии, в которой предполагается последующее вассальное существование этого государства.

(4) "Золотая Империя переместила свои территории в Цилин и Хэйлунцзян." На территориях этих провинций находилось государство чжурчженей Анчун (или по-китайски Золотая империя или Золотая Цзинь), а после захвата столицы империи монголами, возникло государство Восточное Ся.

(5) Корё — корейское государство, существовавшее с 918 по 1392 гг.

(6) Дракон, Сын Неба — одно из традиционных имен китайских императоров, которых отождествляли с драконами.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/51411/3055053>